

С ЛЕВ СОЛОВЬЕВ

ВЫБОР

С. ↑ . Е . П . Н . А . Я К . Р . О . В . Ы

Лев Соловьев

Выбор

Серия «Степная кровь», книга 1

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67101603

Выбор: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-164432-1

Аннотация

Древняя Русь...

Христианство только-только начинает проникать в земли Киева. И хотя правительница древней столицы княгиня Ольга уже и приняла православие, но большинство людей, населяющих киевские земли, поклоняются своим древним богам.

На фоне борьбы и интриг между католической и православной ветвями христианства – за утверждение в Киевском княжестве – разворачивается действие этой книги. Но в эту борьбу вмешиваются и другие силы, древние и колдовские, многие века поддерживавшие духовность и веру на Руси...

Грешная любовь оборотника Везничка и невестки княгини Ольги Марфы...

Не менее грешная и опасная для Киевского княжества любовь князя Святослава и Малуши, дочери убийцы его отца...

Все это переплелось в такой клубок страстей, что, кажется, из этого нагромождения событий и интриг вообще нет выхода.

И приходится выбирать...

Между любовью и долгом.

Между верой и преданностью.

Между...

Но зачастую такой выбор настолько страшен, что – может быть?! – лучше бы его и не было...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	73
Глава 3	130
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Лев Соловьев

Выбор

© Соловьёв Л. Н., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Голова с глухим стуком упала на деревянный помост и покатилась, словно яблоко, сорвавшееся с ветки. Каждый новый оборот заставлял ее подпрыгивать при соприкосновении носа с нестругаными досками. Крови почти не было. Темная дыра горла блестела от алой влаги, скудно сочащейся сквозь идеально ровные края мастерски выполненного разреза.

«Симпатичный мальчик», – машинально отметил Дарьян, бросив беглый взгляд на совсем еще детское лицо, равнодушно смотрящее на своего палача.

В стеклянных глазах замерло любопытство, игриво прячущееся под длинными белесыми ресницами.

Власенка привычным движением ухватила голову за шелковые кудряшки и бросила в корзину.

Дарьян поднял глаза к небу, вглядываясь в сумрачные завихрения вечерних облаков. Он чувствовал, что боги готовы его слушать, но не мог сформулировать адресованное им послание.

Колдун с досадой опустил лицо, невольно уткнувшись в истлевшую ткань одежды. В нос ударил резкий запах разлагающегося тела, вытолкнувший из желудка тугой комок, остановившийся в горле.

Дарьян удивился, что ему противен собственный запах. Раньше он такого не замечал.

Усталость, мешавшая ему жить последние годы, ощущалась необычайно ясно, став на мгновение единственным воспринимаемым чувством. Колдуну наконец-то удалось сформулировать просьбу, адресованную богам, отображающую его единственное желание: «Заберите меня отсюда!»

Дарьян устал жить. Он давно сбился со счета чередой разнообразных лет, забыл свое детство и юность. Он помнил себя только старым, вонючим и страдающим от невозможности умереть.

«Преемник! – раздался в голове хор голосов, переплетающийся различными интонациями и тембром, от женского писка до трубного баса. – Тебе нужен преемник. Грядут темные времена. Мы все в опасности. Найди достойного и покойся с миром».

Дарьян вновь опустил голову. Задача казалась невыполнимой. Много лет он искал для себя достойную замену, но все старания были напрасными.

– Будьте вы прокляты! – Колдун швырнул первым вечерним звездам крик отчаяния, понимая, что ему ничего не грозит, как бы он ни оскорблял богов.

Дарьян стоял, широко расставив ноги, упираясь босыми ступнями в теплую землю холма, насквозь пропитанного кровью жертв. Нестриженные ногти, напоминавшие когти животного, прочертили среди редких травинки глубокие борозды. Руки, вознесенные в направлении звезд, торчали из лоскутов истлевшей ткани кривыми ветками, покрытые бугра-

ми и нарывами, в которых кое-где копошились белесые черви. Дарьян сжал костлявые пальцы в кулаки, похожие на переплетение корней благодаря многочисленным трещинам и морщинам.

Колдун почувствовал, как в него, словно в пересохшую землю, впитывается энергия земли, воды, воздуха и огня, переполняя его, готовая разорвать на куски. Вместе с криком, от которого замерли все обитатели капища, в мир вырвался призыв, разносящийся незатихающим вихрем во все стороны.

– Услышь меня преемник, – прошептал, слабея, Дарьян.

* * *

Серая тень неясности парила бесформенным пятном, нарушая гармонию звездного узора. Привычный для птицы лес остался далеко позади. Огромные влажные глаза затуманились пеленой страха, но сова продолжала лететь над спящим городом. Один-два взмаха могучих крыльев, глухо шелестящих в тишине, – и вновь беззвучное скольжение...

Людское поселение сверху выглядело гигантским насекомым, раскинувшим во все стороны щупальца улиц. Приклеившиеся друг к другу усадьбы ремесленников и торговцев, обнесенные деревянным частоколом, сменялись огромными теремами знатных жителей, похожими на маленькие крепости.

Город спал, погруженный во тьму. Только в одном месте, возле корчмы, слышен был шум и веселье.

Из распахнувшейся двери с вырвавшимся на улицу хором разномастных голосов вывалился невысокий крепкий мужчина в добротной одежде, выдававшей состоятельного горожанина. Он был пьян.

– Святослав, ты куда? – раздался зычный голос из открытых дверей, заглушающий гвалт питейного заведения.

Человек, названный Святославом, отрешенно махнул рукой и побрел нетвердой походкой прочь.

Дверь корчмы со стуком захлопнулась, скрывая за собой свет и шум, вновь погружая округу во мрак.

Близкая человеческая речь вызвала у совы смятение. Изобилие зданий смущало птицу. Неясить крутила головой, выискивая нужный путь. Привычное к темноте зрение ночного жителя различало на земле отъевшихся на человеческих обедках мышей. Желудок призывно урчал, хотелось броситься вниз и насладиться едой, но крылья против воли делали пару очередных взмахов, и массивное тело совы продолжало планировать над людскими строениями...

Мощенные камнем улочки, напоминавшие с высоты паутину, сходились к центру города, где пряталась под защитой стен внутренняя крепость – детинец.

Осознание того, что улицы помогут разобраться среди лабиринта, создаваемого домами, прекратило возникшую у совы панику. Полет становился ровнее и уверенней.

Неясыть искала терем княгини Ольги. Самое крупное в городе каменное сооружение. Назойливое ощущение его близости не давало желанного покоя. Лихорадка ожидания, казавшегося бесконечным, проникла нестерпимым зудом в мышцы. Надежда на скорое освобождение придавала взмахам крыльев силу, помогая преодолевать сопротивление ставшего густым воздуха.

В когтях хищник держал цветущую веточку сирени. Сова, как будто осозная свой нелепый вид, лихорадочно трясла лапами, но когти, подчиненные чужой воле, свела непривычная судорога, которая не позволяла избавиться от глупого растения.

Большие здания стали попадаться все чаще. Приближался детинец.

Внезапно появилось ощущение, что пристальный взгляд зацепился за серое тело птицы и сопровождает его на протяжении дальнейшего пути. Как будто невидимая нить затянулась на толстой шее совы и крепко держит.

Неясыть кинулась вниз, потом взмыла вверх, попробовала метаться из стороны в сторону, но невидимая нить не отпускала. Смирившись с магическими оковами, птица ускорила свой полет.

Белые стены нужного здания возникли из темноты лунным призраком.

Радостное чувство близкого завершения пути, восторг приближающейся свободы охватили неясыть. Гордая птица

ловко маневрировала между ажурными башенками терема княгини, разыскивая место, где должен был окончиться полет.

Окно, подсвеченное слабым огоньком, появилось внезапно на неудобной высоте, и сова неуклюже плюхнулась на подоконник.

Перед ней стояла молодая женщина.

Длинные русые волосы, сплетенные на скорую руку в небрежную косичку, обрамляли миловидное, ничем не примечательное лицо. Вздернутый нос и озорные, с прищуром, глаза придавали лицу мальчишеский вид. Сарафан, поверх белой льняной рубахи без пояса, говорил о поспешности при одевании.

Сова нерешительно топталась на месте, наклоня голову поочередно то вправо, то влево.

Девушка коснулась рукой пернатого хищника.

Прикосновение вызвало дрожь, захватившую каждое перышко. Перья взъерошились, делая и без того огромную птицу еще больше. Лапы разжались, и веточка сирени вывалилась, упав на подоконник. Оцепенение медленно спадало с совы, неся вместе с долгожданной свободой ужас от близости человека.

Неясыть, поняв, что владеет своим телом, широко расправила крылья и шумно захлопала ими, стремительно уносясь в ночной сумрак.

Тримир смахнул со стола разложенные в строгом порядке магические предметы, служащие для того, чтобы пускать пыль в глаза назойливым просителям колдовских услуг.

Его никто не видел, и можно было дать волю гневу, не прикрываясь маской бесчувственности. Магия, так нагло и беззастенчиво пришедшая в открытое окно с потоком свежего воздуха, подняла из глубины души неистовое бешенство. Ведун не без труда справился с приступом ярости, комкая крючковатыми пальцами грубую ткань, застилавшую кровать, на которой он сидел.

Злило все: появление птицы, подчиненной чужой воле; расстояние, подвластное оборотнику для управления совой, говорящее о его необычайной силе...

Тримира переполнила досада с осознанием того, что, несмотря на свое умение распознавать чужое колдовство, он не может проследить место, где находился волхв. Его жалкий удел – беспомощно наблюдать за птицей-оборотнем.

Тримир привык гордиться своей исключительной способностью чувствовать магию и видеть ее следы, но сейчас ощущал только досаду.

Бесило то, что чужое колдовство вторглось в его сон, нарушив царившую в нем гармонию, и внезапно исчезло, не позволив Тримиру понять, кто его обидчик.

Тримир закрыл глаза, пытаясь вновь погрузиться в повторяющуюся из ночи в ночь картину, разрушенную неожиданным гостем.

Завораживающее виденье приходило к нему с завидной регулярностью, принося блаженство и мучение. В сотый раз, наблюдая величественное действо, вызывавшее чувства намного более яркие, чем серая реальность, Тримир ощущал близость познания великой тайны, но разгадка каждый раз проходила мимо него.

Ведун закрыл глаза, мысленно прокручивая до мельчайших подробностей знакомое виденье.

Ангельски-нежный свет заполнял собой пространство. Сквозь слепящую белизну проступало – все больше краснея – пятно правильной округлой формы.

Зрелище выглядело жутковато и напоминало растекающуюся на простыне лужу крови. Вокруг пятна возникали и исчезали радуги. Пятно росло, увеличиваясь в размерах. Его цвет становился все насыщеннее, впитывая в себя белизну и освобождая пространство темноте, подступающей со всех сторон.

Пурпурный фон радужного пятна демонстрировал всевозможные оттенки красного, извивался, образуя спиральные завихрения, превращаясь в голову с длинными седыми космами и бесконечной бородой. Лица не было видно.

Вслед за головой из смешения белого, красного и черного возникло мощное туловище. Богатырская фигура вызывала

уважение.

Трансформации человека без лица продолжались.

Гигант становился зыбким, неустойчивым – расплывался в серо-красно-белое облако. В его глубине сверкали молнии. Они казались родными. Облако все больше напоминало раскидистый древний дуб.

Четыре человека приблизились к дубу с разных сторон.

Лица людей были скрыты глубокими капюшонами, но по крепким фигурам угадывалось, что двое из них – мужчины. В двух других по узким плечам и невысокому росту можно было предположить женщин или детей-подростков.

Они закружились вокруг векового дерева, все больше ускоряясь, сливаясь в сплошное пестрое кольцо. В глазах рябило от бесконечного мелькания силуэтов. Казалось, что это нереальное вращение затянет в себя и растворит без остатка.

Сумасшедшая пляска оборвалась так же резко, как и возникла.

Вместо четырех человеческих фигур осталась одна. Она таяла так быстро, что не было возможности разглядеть, кто это – мужчина или женщина.

Сквозь растворяющуюся фигуру проступил золотой крест, излучающий ослепительный свет, в котором меркли любые другие оттенки.

Дуб-богатырь вспыхнул ярко-желтым пламенем и впитался в крест, делая его еще ярче.

Плавно, словно выплывая из тумана, сквозь белизну, за-

полнившую пространство, проступило тело младенца.

Он поворачивал голову в сторону Тримира. На детских губах угадывалась легкая насмешка.

«Кто ты, дитя?» – вопрос звучал в голове колдуна против его воли.

Черты младенца становились все четче и четче, и в тот самый момент, когда Тримиру казалось, что он узнал это дитя, его образ исчез вместе со светом, оставляя только черноту.

Ведун плеснул себе в лицо воды из ведра, стоящего подле кровати.

Прохладная жидкость привела его в чувство.

Из темной глубины сосуда на него смотрело худощавое усталое лицо с провалившимися маленькими глазами.

Тримир усмехнулся своему отражению, демонстрируя мелкие хищные зубы.

Ему нравилось выглядеть мерзко и зловеще. Это отпугивало назойливых людей, которые раздражали ведуна, отвлекая его от постижения таинств волшебства.

Тримир неловко поднялся с кровати, злобно рыкнув.

Левая нога затекла и онемела от неудобной позы, подчеркивая его бессилие перед внешними обстоятельствами.

Он с детства пытался победить в себе это ощущение слабости единственным доступным способом – совершенствованием своих магических талантов.

В глубине души ему было предельно ясно, что злость, которая глодала его, адресована не оборотнику, бесцеремонно

вырвавшему его из сна, – она следствие бессилия перед тайной величественного виденья.

Случившееся можно было бы оставить без внимания, утихомирив непрошеную ярость, но ведун понимал, что произошедшее во дворце княгини не предвещает ничего хорошего.

Хотя Ольга не доверяла волхвам и давно была крещеной – от ее благополучия зависел покой Тримира. А он для ведуна был второй по значимости вещью в жизни, да и то только потому, что обеспечивал возможность заниматься первой – познанием абсолютной магии.

Княгиня поклонялась непонятному для Тримира богу, который призывал все ото всех терпеть и любить врагов. Несмотря на могучий призыв «возлюбить врагов своих», для охраны Ольги существовала многочисленная дружина.

Прихрамывая на занемевшую ногу, ведун побрел в покои воеводы Свенельда, шаркая стоптанными туфлями по отполированному полу.

Воевода отвечал за порядок во дворце и княжестве.

Ведун уже давно проживал у Свенельда, пожалуй, самого могущественного человека в государстве, и оказывал ему различные магические услуги в обмен на кров и достойное содержание. Это нисколько не напрягало Тримира, так как он имел возможность заниматься постижением секретов колдовства, увеличивая свои знания и силу.

Тримиру часто снились сны. Они несли ему информацию о будущем. Все они были ясны и понятны. Потому он и был

одним из самых известных ведунов.

Он с легкостью предсказывал будущее других людей, которое открывалось ему во сне. Именно этот дар особенно ценил воевода Свенельд.

Но странный сон, приходящий к Тримиру каждую ночь, касавшийся, видимо, его самого, оставался тайной за семью печатями.

Ясно чувствовалось приближение катастрофы, насквозь пропитавшее виденье. Оно затмевало собой все, оставляя лишь небольшие лазейки еле заметным ощущениям конкретных событий, которые должны произойти в недалеком будущем.

Нужно было найти способ разгадать это предсказание. Иначе вновь и вновь возвращавшийся сон мог свести его с ума. Собственные попытки понять снящиеся картины каждый раз обрекались на провал.

Развить свои способности за короткий срок не представлялось возможным. Но существовал способ рискованный и сомнительный, к которому Тримиру не хотелось прибегать. Можно было обратиться к богам посредством жрецов. Они могли – в обмен на жертву – усилить существующие таланты на короткое время до безграничных пределов. Подобные процедуры отнимали слишком много жизненных сил и укорачивали время присутствия в этом мире.

Несмотря на страх, в глубине души ведуну было ясно, что уже совсем скоро ему придется пойти на поклон к одному из

древних божеств.

Сон возвращался все чаще и настойчиво требовал своей разгадки...

* * *

Сознание толчком вернулось к оборотнику.

Хоровод звезд закрутился перед глазами. В ушах стоял монотонный гул.

Везнич сел под деревом, потряс головой, пытаясь привести себя в чувство. Хлопки прядей волос по щекам звучали все отчетливее, сигнализируя о возвращающемся сознании. Прохладный ночной воздух окончательно разорвал связь с совой. Ветки, плавно раскачивающиеся на уровне глаз, приобрели четкие очертания.

По-деловому перебирая лапками, пробежал паучок, ловко ориентируясь в лабиринте листвы. Волхв взглядом проследил его передвижение. Паучок казался невзрачным и безопасным до тех пор, пока не добрался до мухи, запутавшейся в липких нитях. Жужжание насекомого – до появления паука напоминавшее слабое ойканье – переросло в истошный визг и резко оборвалось после того, как паучий яд проник в тело.

Деловитый малыш начал проворно заматывать гигантскую – по сравнению с ним – муху, ловко переворачивая ее из стороны в сторону.

Везнич невольно втянул голову в плечи, отчетливо вспомнив тщетные попытки избавиться от невидимого магического ока, наблюдавшего за ним во время полета.

Ощущение беспомощности, смешанное со страхом неизвестного, напомнило ему первые детские чувства, вызванные присутствием в другом существе – ужас животного и неспособность сопротивляться чужой воле...

Чувства так сильно схожие с тем, что он испытывал прямо сейчас.

Он редко использовал врожденный дар подчинять своей воле живую природу, доставшийся в наследство от отца. Из-за отсутствия тренировок тело не слушалось. Но оборотник заставил себя подняться и неловким движением ткнул ладонью в морщинистую кору дерева, пытаясь удержаться на ногах.

Сова легко покорилась ему, позволив видеть своими глазами, слышать своими ушами, осязать своей кожей.

Оборотник испытал чувство, схожее с наслаждением, от редкой возможности повелевать сдавшимся существом.

Везнич легко справлялся с сознанием крупных птиц, коз, собак, но мечта покорить волка или медведя оставалась недостижимой. У каждого оборотника был свой предел силы.

Высшим мастерством в его искусстве считалось покорение хозяина леса – бурого гиганта, которого нельзя называть

по имени. Но и это был не предел силы оборотников. Ходили легенды, что во времена господства древней веры Рода существовали такие волхвы, которые не только сливались со знанием с животным – оставаясь в это время недвижимыми и уязвимыми для врагов, – но и полностью, всем телом могли перевоплотиться в нужное им существо.

Везнич вновь прокрутил в мыслях произошедшее с совой, пытаясь вспомнить подробности того момента, когда за ним началось наблюдение.

С высоты птичьего полета открывался прекрасный вид. Оборотник наслаждался им, поражаясь, как разросся Киев за время правления Ольги. Он давно не был в городе и не представлял масштаба изменений.

Безмятежность полета нарушалась лишь тревогой, что не удастся найти Марфу. Выручили улицы, ведущие к княжескому терему. Они были вымощены камнями, в отличие от остальных, и служили прекрасным ориентиром.

Липкое чувство чужого присутствия погасило всплеск радости, возникший при виде внутренней крепости – детинца, где находились покои княгини.

Везнич закрыл глаза, пытаясь вспомнить детали ускользающей из памяти картины. Необходимо было понять, откуда исходила угроза.

Тот, кто выследил полет совы, безусловно, очень опасен. Его намерения непонятны. Самым страшным было то, что

неизвестный колдун видел приземление птицы на окно Марфы и, возможно, запомнил девушку.

Радость, светившаяся на лице Марфы, говорила о том, что она поняла, кто скрывается в образе ночной птицы. Подсказала сирень, цветением которой был заполнен мир в те дни, когда безумство любви связало их вместе.

Сейчас же стоял разгар лета, и, естественно, никакой сирени уже не было. Дар оборотника вступить в контакт с природой распространялся и на растения. Веточка сирени подавалась навстречу колдуну, подчиняясь незатейливым словам заклинания, отвечая на призыв яркими, по-весеннему свежими цветами.

Везнич видел, что Марфа все поняла. На ее щеках загорелся румянец волнения в предчувствии скорой встречи в условленном месте.

Покинуть терем, проехать весь город, потом лес. В обычной ситуации ничего сложного, но сейчас... Думать о плохом не хотелось.

Где-то в кустах тревожно захлопала крыльями разбуженная птица.

Везнич прислонился к дереву, сливаясь с темным стволом и становясь неразличимым для посторонних глаз. Все чувства волхва обострились, но он не смог заметить ничего странного.

Лес шептал и постанывал обыденно и знакомо.

Тримир, погруженный в тревожные размышления, вздрогнул от неожиданно возникшей громадной фигуры стражника, демонстративно нахмурился, сердясь на себя за выказанную слабость.

У него была репутация невозмутимого человека, которого ничто в этом мире не в состоянии вывести из состояния равновесия.

– Доложи обо мне воеводе.

– Но... – охранник замялся, находясь перед нелегким выбором.

Тримир спрятал невольно возникшую улыбку. Ему было приятно видеть мучения дружинника, старавшегося понять, что будет меньшим злом: рассердить воеводу или волхва.

– Живее! – Голос мага прозвучал негромко, но решительно, не оставляя охраннику никаких сомнений.

Сладкое удовлетворение растеклось в душе колдуна при виде выбора, который сделал дружинник. Стражник распахнул перед ним дверь, склоняя голову в учтивом поклоне и пропуская ведуна в покои воеводы.

Свенельд лежал в огромной кровати, украшенной затейливой резьбой, изображавшей в основном животных и причудливые растения. Кровать застилала звериные шкуры, поверх которых была накинута грубая льняная простыня.

В глубине мехов и ткани зашевелилось – демонстрируя сквозь прорехи в убранстве постели свои прелести – обнаженное женское тело.

Тримир поморщился. Он не чурался женщин, но не одобрял излишеств воеводы, которым тот предавался. Ведун сделал вид, что не заметил среди шкур шевелившейся в томной неге женщины. Его голос звучал подчеркнуто фамильярно:

– Свенельд, я только что видел, как во дворец княгини Ольги проникла птица, подконтрольная волхву-оборотнику. Она вступила в контакт с какой-то женщиной. Мне не удалось распознать, кто это был. Я думаю, что происходящее за спиной великой княгини может быть опасно.

Свенельд задумался.

Его лицо оставалось непроницаемым.

Редко что в Киеве происходило без ведома воеводы, а если такое случалось, то, конечно, представляло опасность. В первую очередь для него и его могущества.

Свенельд поднялся с кровати, пройдя в задумчивости несколько шагов. В его походке чувствовались раздражение и тревога.

– Спасибо, Тримир, ты, как всегда, безмерно полезен. Не волнуйся, я позабочусь о непрошенных гостях.

Тримир подчеркнуто почтительно поклонился.

Обычно их взаимоотношения с воеводой не предполагали излишних церемоний, но сейчас Тримиру нестерпимо хотелось быть в курсе происходящих событий. Было устойчивое

предчувствие, что не зря оборотник разрушил его сон и может приблизить разгадку виденья. Это предчувствие заставило его сменить независимое поведение на заискивающее.

Свенельд не среагировал на этот поклон, поглощенный своими мыслями.

– Позови Блуда, – отдал охраннику распоряжение.

Свенельд, нервно шагая по комнате, накинул на себя расшитый золотом кафтан, небрежно застегнув его на несколько нижних пуговиц и оставляя обнаженной мощную грудь, которую пересекал багровый шрам.

Блуд появился очень быстро. На его лице не было и следа сонливости. Казалось, что он как верный пес лежал, свернувшись на коврик у дверей, и вбежал, едва слышал свою кличку.

Подобострастный поклон, продемонстрированный слугой, показал волхву, что он очень заблуждается на счет своей учтивости.

Свенельд посмотрел на неказистую грузную фигуру ближайшего помощника и непроизвольно почесал грудь, как бы проверяя, не превратилось ли его мускулистое тело в бесформенный мешок, как у Блуда.

Сила была не самой выдающейся стороной слуги. Свенельд ценил его за изворотливость, хитрость и исполнительность. Сильных воинов хватало в дружине, а вот по-настоящему преданного – как собака, еще и неглупая, – слугу было найти трудно.

Приглушив голос и дружески обхватив Блуда за плечо, Свенельд, не прекращая передвижения по комнате, произнес:

– Отправь во дворец княгини Ольги молодца попронырливее. Пусть проследит, что там происходит странного: кто не спит; может, кто собирается покинуть дворец; кто туда придет... Если кто-то покинет дворец – пусть разведает, кто и куда.

Свенельд, остановившись, пристально посмотрел в бегающие глазки Блуда. В них уже светился азарт гончей. Казалось, что ноздри помощника начали раздуваться, беря след.

Свенельд успокоился. Он видел, что Блуд не подведет.

– Может, я смогу чем-нибудь помочь? – вмешался Тримир, опасаясь оказаться в стороне от этого дела.

– Может быть, но не сейчас. – Голос Свенельда звучал ровно, без эмоций.

Тримир понял, что под этой излишней спокойностью скрывается раздражение, и не осмелился настаивать на своем участии в слежке.

– Ступай, ступай... – Свенельд несильно похлопал по спине Блуда, подталкивая к выходу. – Поспеши, дружище.

Блуд согласно кивнул и, ревниво поглядывая на ведуна, вышел за двери.

Рука Свенельда протянулась в сторону колдуна в попытке повторить похлопывание, но, описав в воздухе дугу, поправила пышную шевелюру падавших на лицо волос.

Колдун удовлетворенно усмехнулся, не пытаясь спрятать выражение лица.

* * *

Сова исчезла в вязкой темноте ночи.

Перед Марфой лежала веточка сирени. В памяти всплывали картины ее многолетнего знакомства с Везничем...

Марфа бесцельно бродила по лесу, наслаждаясь густыми сочными запахами весенней природы, вызывавшими сладкую истому. Это чувство было новым для нее и незнакомым. Это было то время, когда она открывала в себе неизвестные до сих пор грани. Вместе с внешними изменениями – стремительно уничтожающими озорную угловатую девчонку, создавая взамен нее очаровательную девушку, – приходила и бескрайняя гамма неизведанных ранее ощущений, диктовавших свою волю.

Вот и сейчас непреодолимое желание побыть наедине с новыми чувствами вытолкнуло ее из города, заполненного суетливыми людьми и весенней грязью, еще не до конца смытой первыми дождями.

Она совсем не знала матери, умершей во время ее рождения.

У нее не было подруг.

Отец – воевода Асмуд – воспитывал ее как мальчишку по-

тому, что просто не представлял себе другого воспитания.

Ему часто доверяли для обучения мальчиков, и одним из них был Святослав – тогда еще не муж, а просто детский друг, – с которым Марфа проводила больше времени, чем с любой девочкой.

Мальчики были для нее просто игрой, и случайно встреченный в лесу мужчина стал объектом игры.

Марфа спряталась, с любопытством разглядывая в проветах листвы высокую худощавую фигуру.

Он увлеченно перебирал стебельки растений, пряча некоторые из них в дорожную сумку. В нем было что-то основательное – как утес над рекой, – казавшееся вечным, незыблемым и надежным. Его глаза были полны мудрости и доброты. Все это смущало, привлекало и заставляло затаиться, как мышка...

Потом их свел несчастный случай.

Отец Марфы заболел. Везничка пригласили лечить знатного воеводу.

Волхв часто оказывал посильную помощь жителям селения, недалеко от которого он проживал. За это ему приносили еду, одежду и другие необходимые в быту вещи. Знание природы позволяло ему успешно справляться с нехитрыми хворями людей.

У Асмуда были жар и слабость, лечившиеся в течение нескольких дней.

Марфа тайком наблюдала за ловкими движениями волхва сквозь приоткрытую дверь, притаившись в соседней комнате.

Везнич внимательно осмотрел больного, достал отвар, напоил его и направился к выходу.

Марфа метнулась ему навстречу и, имитируя неожиданное появление, воткнулась лицом в живот высоченному волхву.

Везнич – всегда занятый природой и своим местом в ней – редко обращал внимание на девушек, но Марфа показалась ему особенной. Ворвавшаяся с тревожным шумом, волнуемая за здоровье своего отца, слегка растрепанная, она внесла за собой в сумрачную комнату боярского терема ветер, запах леса, солнечные лучи, ослепительно вспыхнувшие в широко раскрытой двери, – и сумасшедшую энергетику, пронзившую душу волхва.

Везничу захотелось, чтобы Асмуд не выздоровел никогда и он лечил бы его вечно, находясь рядом с этим сгустком солнечной энергии. Волхв сделал все, чтобы посещать этот дом как можно дольше.

Марфа провожала и встречала лекаря каждый день и, разговаривая с ним по дороге, все больше восхищалась мудростью этого еще не старого человека, его спокойствием и уверенностью.

Во время одной из таких прогулок она быстро поцеловала его и стремглав умчалась домой...

Место, где это произошло, стало символом их любви.

Скорее всего, Везнич и сейчас ждет ее под старым развесистым дубом, недалеко от берега реки.

* * *

Святослав вывалился из пропахшего винными парами и человеческими телами трактира в ночную темноту.

Свежий воздух лизнул разгоряченное лицо, проникая в хмельную голову вместе с шумным глубоким вдохом.

Из раскрытой двери питейного заведения раздался недовольный голос Икмора, не желавшего расставаться с закадычным другом.

Святослав раздраженно махнул рукой, не поворачиваясь, выпрямил спину, стараясь не шататься, и побрел в направлении дворца Ольги. Он тряс головой в надежде прогнать хмель. Ему было неловко показываться на глаза любимой Малуши в таком состоянии. Но чаще всего именно так и происходило. Когда Святослав был трезв, он мог контролировать свои желания и сдерживать свои порывы, но стоило хмелю затуманить сознание – ноги сами несли к той, без которой не было жизни.

Ворота княжеского дворца оказались закрытыми.

Святослав наморщил нос, выражая недовольство. На языке вертелись ругательные слова, но крупица здравого смыс-

ла – не до конца поглощенного хмелем – не позволила устроить дебош.

Он грустно посмотрел на бесконечную стену из заточенных и отполированных до белизны бревен и обреченно зашагал вдоль нее.

К счастью, ворота конюшни оказались приоткрытыми, и князь направился к темному проему.

Суетливая поспешность сыграла с ним злую шутку: Святослав запнулся при входе за свою же собственную ногу и грохнулся на пол конюшни, зацепив по пути конскую упряжь, с шумом упавшую со стены.

Рука уткнулась во что-то теплое и мягкое. По запаху без труда удалось опознать конский навоз.

В одном из пустых стойл мигнул робкий огонек свечи. Разгоревшись ярче, он выхватил из темноты испуганное лицо конюха.

– Кто там? – Голос парня был полон поддельной решимости.

– Князь всея Руси, – ответил Святослав издевательски, злясь на самого себя. – Не видишь, что ли!

Последние слова он почти выкрикнул.

– Вижу... – Парень растерянно попятился от наступавшего на него князя.

– А ты кто? – спросил Святослав, загнав парня в угол.

– Конюх я, Добрыня, ваша светлость. – Парень потупил взгляд, словно смущаясь своего имени.

Святослав оглядел его с ног до головы. Парень был рослый и ладно сложенный. Свеча смотрелась игрушкой в широкой ладони.

– А ты крепок, братец, хоть и имя у тебя бабское. – Святослав ударил Добрыню по плечу, почувствовав твердые как сталь мышцы.

Грязная ладонь оставила на белой исподней рубахе парня навозный след, а Святослав еще и вытер остатки конского дерьма о широкую грудь конюха.

Добрыня просиял от похвалы, не обращая внимания на вонючие полосы, затейливым узором разрисовавшие рубаху.

– Возьмите меня к себе в дружинники. – Голос Добрыни дрожал. – Надоела мне эта конюшня. Я и мечом научился владеть. А? Ваша светлость...

Святослав внимательно посмотрел в глаза Добрыне. При словах «дружина, меч...» хмель слегка развеялся.

Конюх не отвел взгляда. За внешней робостью чувствовалась внутренняя сила, необходимая дружиннику даже больше, чем крепкие мышцы.

– Язык за зубами держать умеешь?

Добрыня молча кивнул, доказывая, что умеет.

– Если кому расскажешь, что меня здесь видел, – убью!

Добрыня виновато переминался с ноги на ногу, демонстрируя, что сожалеет об увиденном.

Святослав удовлетворенно кивнул:

– Молчать будешь – о дружине подумаю.

Князь дунул на свечу, погасив огонек, и в потемках выбрался из конюшни.

Дверь в терем Ольги – обычно достаточно широкая – больно ударила Святослава косяком в плечо.

Покои Малуши находились неподалеку от комнат княгини, чтобы можно было прийти по первому зову госпожи.

Новый терем Ольги не нравился Святославу. Белизна каменных стен и свежих бревен, затейливые коридоры, роскошная резьба по дереву – все это казалось излишне помпезным и ненужным для жизни.

Терем спал глубоко и безмятежно вместе со всеми своими обитателями, производя лишь робкие стоны, издаваемые притирающимися друг к другу частями здания.

Перед Святославом – словно столбик – возник охранник из стражи княгини, выглядевший таким же отшлифованным до блеска, как и стены терема.

Князь зашипел, пытаясь скрыть за нахмуренными бровями нетрезвый взгляд, и закрыл стражнику рот ладонью. Из-под широкой руки виднелись только глаза охранника, хлопающие по-девичьи длинными ресницами.

Покорность, с которой дружинник воспринял этот жест, свидетельствовала о том, что он узнал Святослава.

Князь кивнул и, удовлетворенный реакцией стражника, отпустил его лицо.

– Ты меня не видел. – Ладонь превратилась в кулак, заме-

рев возле носа дружинника.

Рука была все еще в конском навозе. Князь, ни на мгновение не смутившись, вытер ее о полу кафтана стражника и, икнув, побрел дальше походкой, выражавшей полное безразличие, в ответ на недоуменный взгляд дружинника.

За очередным поворотом бесконечного лабиринта коридоров, в нескольких шагах от себя, Святослав заметил человеческую фигуру, закутанную в плащ. Низко опущенная голова, укрытая капюшоном, не позволяла разглядеть лицо, но плавность походки свидетельствовала о том, что это – женщина.

Бесконечно неожиданные встречи в посещении, предполагавшимся быть тайным, начинали злить Святослава. Пытаясь остаться незамеченным, князь прижался к стене и, вдавливаясь спиной в нишу, сооруженную для бессмысленной вычурности, скрылся в ее тени.

Женщина проскользнула мимо него бесшумно, словно передвигаясь по воздуху.

Спина предательски чесалась, и Святослав, не выдержав, потерялся о гладкие бревна, невольно улыбаясь от приятных ощущений, снимавших ненужный зуд.

Шорох – соизмеримый с естественными звуками недавно построенного здания – все же привлек женщину.

Слегка приподнятая в тревожном повороте голова позволила на мгновение увидеть лицо, вызвавшее у князя недоуменное замешательство – с детства знакомые черты жены

Марфы, несмотря на скрытую тревогу, были все так же милы и по-мальчишески задорны.

«Вот это сюрприз!» – промелькнуло в голове у князя.

подавив жгучее желание окликнуть Марфу, Святослав предпочел остаться незамеченным, поддавшись сладострастным мечтам о Малуше.

Марфа исчезла беззвучной тенью в закоулках коридоров, рассыпав после себя еле уловимый аромат таинственности.

Святослав взъерошил спутавшиеся длинные волосы, потирая макушку головы. Мрачные предположения непрошеными занозами воткнулись в безмятежное предвкушение запретного удовольствия.

– Здравствуй, светлый князь, – раздался за спиной вкрадчивый женский голос.

Святослав вздрогнул от неожиданности – весь его тайный план летел в тартарары. Он обернулся, пытаясь принять беззаботный вид.

За спиной стояла Будана – служанка матери. Она загадочно улыбалась, и сквозь ее обворожительную улыбку поблескивали белоснежные зубы, казавшиеся жемчужинами в свете луны.

– Я могу быть чем-нибудь полезна? – Будана сделала шаг навстречу Святославу.

На ней не было платья, только ночная сорочка тонкой восточной ткани, сквозь которую отчетливо проступала роскошная грудь. Будана не пыталась прикрыться, наоборот,

она распрямила плечи и подалась вперед всем телом, как будто предлагая себя. Родом из племени угров, смуглокожая, черноволосая, высокая и статная, она всегда притягивала взгляды мужчин и была уверена в магии своей красоты.

– Спасибо, я иду к жене. – Святослав сказал это подчеркнуто сухо, чтобы избежать последующих домогательств, но взгляд невольно скользнул с удовольствием по ладному девичьему телу, угадывавшемуся под откровенной одеждой.

– А жаль... – Будана потянулась, как кошка. – Я всегда готова услужить тебе, светлый князь.

В следующее мгновение женщина резко развернулась и пошла по коридору в сторону комнат прислуги, все еще приглашающе оглядываясь.

Святослав добрался до покоев Марфы, раздосадованный тем, что встретил эту служанку, уже не первый раз демонстрирующую ему свое расположение.

Что она делала в коридоре ночью?

«По-моему, во дворце у матери все шляется по ночам, кто куда захочет...» – мелькнуло в голове у князя.

И все-таки появление Буданы – неожиданное и тихое, как бег мыши, – было крайне странным...

Святослав открыл спиной дверь, не сводя глаз с пустого коридора из-за опасения вновь увидеть любопытную служанку, выждал мгновение и, облегченно вздохнув, вошел в пустую комнату Марфы.

Согнав с лица следы смущения, князь сообразил, что еще

ни разу не был в покоех жены после ее переезда в терем Ольги.

В комнате царил бардак, обычно оставляемый спешащим человеком.

Марфа не отличалась беззаветной любовью к порядку. Для нее на первом месте были удобства. И если удобно бросать платье в изголовье кровати, а не вешать в шкаф, – значит, оно будет болтаться там скомканным жгутом, а не благородно висеть в специально отведенном месте. Плачевные последствия сугубо мужского воспитания давали о себе знать.

Святослав удивлялся тому, что Асмуд не завел новую жену после смерти матери Марфы, и упрямо не хотел верить шептунам, наполнявшим княжеский двор слухами о тайной связи воеводы с княгиней Ольгой.

Князь выглянул в небольшое окно, выходящее на улицу.

Контраст между причудливыми тенями, отбрасываемыми довольно высокими зданиями, и серебристыми полосами лунного света придавал пустынной улице сказочный вид.

Внимательным взглядом воина и охотника князь заметил темную фигуру всадника, отъехавшего от дома Свенельда. Ночной путешественник вызвал легкую настороженность, быстро исчезнувшую при мысли о встрече с Малушей.

* * *

Улыбка держалась на лице Буданы, несмотря на то, что

она уже рассталась с князем и находится у себя в комнате, прислонившись спиной к закрытой двери. Смущение и раздраженность Святослава вызывали у нее умиление. Удовольствие, испытанное при виде того, как грозный муж в твоём присутствии превращается в застенчивого мальчика, может сравниться только с наслаждением от объятий этого мужа.

Будана часто провоцировала князя своими откровенными домогательствами и с удовольствием наблюдала, как этот сильный и волевой человек терялся в ответ на её поведение. И сейчас она не упустила возможности продемонстрировать своё чудесное тело, легко угадывавшееся под тонкой рубашкой. Он слишком нервничал и прятал глаза. Князю были чужды ложь и лицемерие, поэтому его лицо предательски выдавало, когда он что-то пытается скрыть.

Будана затаилась у двери в надежде услышать, что происходит в коридоре.

Безграничное доверие княгини Ольги, завоеванное годами верной службы, ей с недавних пор приходилось делить ещё с одной служанкой – Малушей. Эта девчонка, с детских лет воспитывавшаяся во дворце, после крещения стала необычайно близка к княгине.

Будана злилась, чувствуя, что теряет своё влияние на Ольгу, и эта злость становилась ещё сильнее от понимания того, что не злиться на конкурентку она не может. Спокойствие, с которым Малуша относилась к их заочному соперничеству – словно для неё и не существующему, – доводило эту злость

до бешенства.

Будана не верила, что девушке абсолютно незнакомо чувство ревности, – она воспринимала ее спокойствие как издевательство.

Самым же страшным преступлением Малуши были ее взаимоотношения со Святославом, которые становились все более заметными, несмотря на старания их скрыть.

Будана чувствовала, что Малуша – казавшаяся на первый взгляд тихой и беспомощной – на самом деле была женщиной, способной преодолеть любые трудности ради достижения своей цели.

Сквозь дверь в коридоре слышалось движение, и Будана заглянула в щель неплотно прикрытой створки.

По коридору прошел – стараясь не шуметь – Святослав, юркнув в комнату Малуши.

После строительства нового дворца Малуша – как и Будана – удостоилась чести иметь личные покои, а не спать со всей прислугой. Будана поморщилась от раздражения, что эта выскочка и здесь сумела если и не обойти, то приблизиться к ней – Малуши становилось слишком много в этом дворце.

Но Будана уже знала, как сделать так, чтобы этой безродной девки стало меньше.

Во дворце стояла тишина.

Ольга любила рано ложиться спать и требовала этого же от своей челяди. Марфа накинула поверх сарафана плащ, который скрывал ее с головой, и выскочила на улицу. Калитка в конюшню поприветствовала девушку визгливым голосом.

Марфа замерла у входа, прислушиваясь к тишине, в которой отчетливо слышались удары ее сердца. Лошади оживились, чувствуя присутствие человека. Звездочка – пятнистая кобыла – ласково щекотала мягкими губами ладонь, съев предложенный ей кусок хлеба. Недовольная, что лакомства больше нет, лошадь ткнула Марфу мордой в плечо, громко фыркая.

– Тихо, Звездочка, – одними губами сказала Марфа.

За стеной в соседнем стойле послышалось кряхтение, и в центральный проход конюшни вытянулись ноги в стоптаных лаптях. Ноги показались Марфе огромными. Она ожидала, что вслед за ними появится человек, но ноги затихли, и послышалось легкое похрапывание их хозяина.

Накинув уздечку на голову лошади, девушка, осторожно ступая, направилась к выходу.

– Стой! Ты кто? – раздался сонный голос, адресованный спине Марфы.

Марфа вздрогнула, боязливо втягивая голову в плечи. Де-

вушка медленно повернулась, заранее растянув губы в глупой улыбке.

– Простите, княгиня. – Парень смутился, явно не зная, как реагировать на гуляющую по конюшне княгиню.

– А ты кто? – спросила Марфа.

Лицо парня было знакомым, но она не могла вспомнить его имени.

– Я – конюх Добрыня. – Парень улыбался по-детски открыто и добродушно.

Марфа невольно улыбнулась в ответ, чувствуя к конюху неосознанную симпатию. Девушка подошла к нему вплотную и знаком пригласила опустить голову к ее лицу.

– Не говори никому, Добрыня, что видел меня, – прошептала Марфа в оттопыренное ухо конюха, а затем поцеловала его, едва коснувшись щеки, покрытой легким юношеским пухом.

– Хорошо. – Улыбка Добрыни теперь выглядела глупой.

Звездочка, очутившись на улице, втянула ноздрями теплый ночной воздух.

По телу животного пробежала дрожь, передавшись Марфе. Широкая спина животного без седла оказалась скользкой, вынудив девушку крепко прижать колени к шелковистым лошадиным бокам. Звездочка фыркнула, резво сорвавшись с места. Марфа опустила лицо, прижимаясь к гибкой шее лошади. Ветер откинул с ее головы плащ и разметал непрочную косу, распушив волосы по плечам.

Звездочка уверенно направилась за городские ворота, унося Марфу навстречу любимому.

* * *

Каницар лежал на спине в состоянии полудремы, закинув руки за голову. Ему нравились моменты, когда в отсутствие опасности дремота склеивала ресницы и не требовалось видеть окружение и глазами, и затылком.

Каницар служил телохранителем у Ольги. Его и Будану подарил мужу Ольги – Игорю – угорский дьюла Фаличи в знак братания и дружбы. Князь, в свою очередь, отдал их обоим жене. Давно уже покинул этот мир Игорь. Пришла смерть и к Фаличи, а парочка угров продолжала верно служить княгине.

Каницару редко приходилось вступать в поединки, защищая Ольгу. Народ ее любил. Поэтому имелось мало свидетелей его воинского мастерства. Не очень высокий, но с хорошо развитой мускулатурой, гибкий и подвижный, он был совершенной военной машиной, но никогда никому этого не показывал.

Несмотря на редко демонстрируемые воинские таланты, его все побаивались во дворце княгини. Даже бывалые дружинники относились к нему с осторожностью, настолько волевым и непреклонным был его вид.

Красота не коснулась лица Каницара, но от него исходил

дух настоящего мужчины, что вызывало трепет у женщин и уважение у мужчин.

Дверь в его каморку приоткрылась, и в узкую щель прошмыгнула Будана. Каницар лениво повернул голову в ее сторону. Появление служанки Ольги не предвещало ничего хорошего. Во всяком случае, отдых уже закончился.

– Вставай, лоботряс. – Будана посмотрела на Каницара исподлобья, делая суровое лицо.

– А ты-то кто? – Каницар попытался огрызнуться. – Главная бездельница княгини.

Он всегда отвечал на колкости рабыни, чтобы не выглядеть бесхребетным, хотя понимал, что выполнит любое ее требование. Люди, видящие со стороны такую покорность этого воина перед рабыней, подозревали его огромную и безответную влюбленность. Это было распространенным заблуждением, которое не пытались развеять ни Каницар, ни Будана.

Когда Фаличи отдавал их в услужение русским князьям, он назначил Будану главной в их дуэте и заставил Каницара поклясться в покорности этой хитрой девчонке. Фаличи знал твердость слова Каницара и, вытребовав у него эту клятву, был уверен, что Каницар ее никогда не нарушит.

Воин огрызнулся, злословил, чтобы Будана многого о себе не мнила, но всегда исполнял ее поручения.

– Вставай быстрее, – Будана начала трясти воина за плечо. – Нет времени препираться.

Каницар лениво сел на лежанке.

– Слушаю и повинуюсь, моя госпожа, – он отвесил поклон, не вставая, и уткнулся лицом ей в живот. Мягкая ткань рубашки приятно пахла домашним уютom, которого Каницар не знал в своей жизни, но мог предполагать по тем обрывкам младенческих ощущений, когда у него еще была мать.

Будана оттолкнула Каницара, казавшегося по сравнению с ней великаном.

– Нужно проследить за Марфой. Она куда-то собралась. Поторопись, медведь, а то упустишь.

– А тебе это надо – следить за женой князя? Я понимаю, что ты к нему равнодушна. Но Марфа-то тебе зачем?

– Не задавай вопросов, а действуй. Если бы ты соображал так же быстро, как я, то был бы главным. – Будана любила подчеркнуть свое доминирующее положение, и это задевало Каницара.

– Про мой ум не надо – с меня достаточно и силы. – Каницар резко поднялся, подхватил плащ, лежащий на кровати, и направился к выходу.

Он всегда спал одетым, поэтому на сборы ему не требовалось много времени.

Перед тем как нырнуть в низкий дверной проем, он сгреб в руку две сабли, висевшие на стенке, и направился в конюшню.

Святослав задержался у окна, убивая время в надежде, что Будана уgomонилась и легла спать. Невольная тревога, усиленная видом пустой улицы, подсвеченной яркой луной, растеклась в глубине души вязким фоном, растворив в себе остальные чувства.

Цоканье копыт, вонзаясь хлесткими щелчками в тишину спящего города, предвосхитило появление всадника, в котором Святослав без труда узнал жену.

Пальцы сжались в гневном порыве, оставляя на ладонях белые пятна, помогая справиться с желанием пуститься вслед за Марфой. Сладостное предвкушение встречи с Малушей окончательно погасило внезапно вспыхнувший порыв.

Князь, постепенно успокаиваясь, наблюдал за женой, исчезающей в темноте. Тревога за Марфу, стыд за неверность, неловкость за пьянство – все улетучилось, вытесненное неудержимым желанием обладать Малушей.

Святослав отошел от окна с лихорадочной поспешностью, не обратив внимание, что вслед Марфе от терема Свенельда отъехал всадник, заботясь больше о скрытности, чем о скорости передвижения. Он переехал со светлой стороны улицы, скрывшись в длинной тени, отбрасываемой галереей зданий.

С каждым шагом, приближавшим Святослава к комнате возлюбленной, его сердце стучало все быстрее, а ноги передвигались все медленнее.

Святослав приоткрыл невысокую дверь, проскальзывая в образовавшуюся щель.

Малуша спала, аккуратно свернувшись, словно кошка. Ее лицо казалось хищным из-за глубоких теней, оставленных огромным фонарем висящей за окном луны.

Малуша ворвалась в жизнь Святослава неожиданно, мгновенно превратившись из неказистой девчонки, с усердием прислуживающей Ольге, в невероятную красавицу, достойную вниманию князей. Несмотря на вид принцессы, Малуша оставалась старательной служанкой, скромной, исполнительницей и приветливой.

Святослав не умел ухаживать, вернее, не любил, а значит, не хотел. Ему казалось, что каждая девушка считала счастьем, если он обращал на нее внимание.

Внешность Святослава не была утонченно красивой, но в нем отчетливо проступало неукротимое животное начало, наполнявшее каждое его движение, каждый жест и как магнит притягивающее женщин.

Малуша, к большой досаде князя, его не замечала. Преодолевая неловкость и робость, Святославу пришлось самому проявлять неказистые знаки, демонстрирующие чувства к красавице. Смущение, которое Святослав при этом испытывал, вызывало в нем злость и распаляло желание покорить

неприступную служанку.

Даже сейчас, когда их отношения перешли грань дружеских, Малуша постоянно смущалась, чувствовала себя виноватой, твердила о смертном грехе и прочей христианской ерунде. Каждая новая встреча давалась князю как первая, и это заводило его, пробуждая инстинкт охотника.

Святослав подошел к спящей Малуше абсолютно бесшумно, как хищник к жертве.

Он внимательно посмотрел в лицо девушки, любясь правильными чертами, слишком прекрасными для безродной простушки, и, не сдержавшись, поцеловал в щеку, невольно вдохнув нежный аромат юного тела.

Малуша сморщила нос, словно собираясь чихнуть, и открыла глаза, в первое мгновение ничего не понимая.

Лицо Святослава находилось так близко, что князь заметил свое отражение в ее зрачках.

Малуша издала неясный звук, сурово сдвинув брови, но Святослав, предупреждая гневную речь, прижался губами к ее приоткрытому рту. Руки князя крепко обхватили девушку, не позволяя шевелиться.

Глаза Малуши округлились, демонстрируя высшую степень возмущения. Маленькие кулачки, обнаружив недюжинную силу, больно вонзались между ребрами Святослава. Сердитое мычание, заглушаемое губами князя, достигнув своего апогея, стихло, превратившись в нежный поцелуй. Руки еще наносили удары по спине Святослава, но с каж-

дым новым тычком их сила уменьшалась, пока они совсем не прекратились, сменившись крепкими объятиями.

* * *

Каницар вздрогнул от неожиданности, злясь на себя за минутную слабость. Среди полумрака конюшни, разрушаемого бледным огнем свечи, стоял, согнувшись в неестественно учтивом поклоне, светловолосый паренек.

– Здрасьте, – просвистел конюх в пол, потряхнув роскошной кудрявой шевелюрой.

Его издевательски добродушные глаза напряженно щурились из-за неловкого поворота головы, совместившего любопытство и поклон. Каницар промолчал, глотая череду ругательств, всплывших против воли. Решив, что жалкий скрюченный молокосос недостоин даже слов унижения, угр оттолкнул парня, с пренебрежением наблюдая, как конюх опрокинулся на спину, с глухим стуком ударившись головой о массивные жерди стойла.

Удовлетворенно ухмыльнувшись, дружинник запрыгнул на неоседланного гнедого жеребца, подаренного Ольгой, и не спеша выехал из конюшни. Остановившись на секунду в воротах, Каницар обернулся. При виде конюха, энергично растирающего ушибленное место, воин почувствовал, что злость и волнение уходят, уступая место сосредоточенности и спокойствию.

Марфы уже не было видно, но в стороне городских ворот слышалось глухое цоканье лошадиных копыт по брусчатой мостовой.

Каницар прикрыл глаза, сосредотачиваясь исключительно на звуках. Стук копыт, смешавшийся с раскатистым эхом, мечущимся между домов, рассказал о направлении передвижения беглянки.

Удовлетворенно кивнув головой, воин неторопливо двинулся вперед, кривясь при каждом неосторожном звуке, производимом копытами коня. Нужно было двигаться быстрее, но не хотелось разбудить весь Киев, который и так потревожили опрометчивые действия Марфы. Каницар ничуть не сомневался, что, несмотря на внушительную фору, легко сможет догнать девушку.

Скорей всего, она направлялась в лес. Конь под ним заволновался, нервничая от непривычно медленной езды, словно чувствуя нетерпеливость всадника. Ночью среди деревьев укрыться будет легко.

Каницар погладил скакуна по шее, ощущая ладонью дрожь животного. Прищурившись, словно это могло способствовать тишине, он ударил коня пятками в бока, предоставляя полную свободу в выборе скорости передвижения. Грохот копыт вонзился в ночной воздух, отдаваясь укоризненным эхом в голове воина.

Темный силуэт Марфы, расплывчатым пятном выделявшийся на фоне чуть более светлого неба, Каницар увидел

буквально сразу же, как только покинул город. Она мчалась, не оглядываясь и даже не задумываясь о том, что кто-то может наблюдать за ней. Торопливость, граничащая с суетой, мешала девушке.

Ночь искажала предметы, перечеркивая их контрастными тенями и лунными бликами, придавая знакомому окружению необычайные сказочные очертания, делая их чужими и непонятными.

Каницар понимал, что игра теней путает Марфу, поэтому она излишне суетилась, оглядываясь по сторонам, ища продолжения дороги. Узнав знакомый пейзаж, поняв, куда следовать дальше, она устремлялась вперед. Некрупная, но довольно резвая лошадка с видимым удовольствием несла свою хозяйку, наслаждаясь ночной прогулкой.

Лес был редкий, и приходилось соблюдать приличную дистанцию, чтобы не обнаружить себя.

Каницар благодарно похлопал своего жеребца по шее, понимая, что он способен без особого напряжения не просто догнать лошадь Марфы, но и оставить ее далеко позади. То, что приходилось прятаться, замедляло движение преследователя, но все же шансов скрыться у Марфы не было.

Уверенная посадка девушки напомнила Каницару, что Марфа – дочь воеводы, с детства приученная к верховой езде. В ее движениях, наполненных свободой, сквозила радость, испытываемая от быстрой скачки. Сливаясь с лошадью в единый силуэт, она напоминала птицу, летящую над

травой.

Справа, по ходу ее движения, между кустами и редкими деревьями заблестела в лунных лучах поверхность реки. Небольшая рощица закончилась просторной поляной с огромным раскидистым дубом, возвышающимся в середине темным гигантом. Поляна выглядела пустой, но Марфа вела себя так, словно кого-то увидела.

Она резко остановила лошадь, легко соскочила с нее, продолжая по инерции стремительный бег, влетела в объятия человека, тенью отделившегося от ствола дуба.

Девушка смотрела снизу вверх, вглядываясь в лицо, скрытое сумраком. Даже ночь не могла спрятать улыбку, светящуюся на ее лице.

Марфа гладила руками грудь стоящего перед ней человека.

Каницару показалось, что он отчетливо слышит, как громко бьется ее сердце.

Страстность объятий девушки заставила его поморщиться, вызывая легкое чувство брезгливости, испытываемое по отношению к противоположному полу.

Ухмылки, ужимки, сладкие речи, не совпадающие с мыслями, – все эти сугубо женские черты вызывали в бывалом воине недоумение, непонимание и – как следствие – страх.

Сила и мужество, битва лицом к лицу – вот вещи понятные, простые и близкие его сердцу.

Ему нравилось женское тело, извивающееся от боли и сла-

добрастия. Наличие способности мыслить он считал для женщины роскошью, предоставленной богами по ошибке. Гнилая женская натура извращала этот дар до немыслимых пределов, превращая в запутанный механизм постоянного коварства и обмана.

Поведение Марфы только укрепляло его в этих чувствах.

Перешептывания, еле различимые в ночной тишине, прерывающиеся звуками поцелуев и шорохом прикосновений, пробуждали в Каницаре сочувствие к князю и злость, подталкивающую к нападению. Рукоятка кинжала, висящего на поясе, удобно лежала в руке, приятно холодя ладонь. Несколько шагов пригнувшись, тихо, по-звериному, потом – в три прыжка к влюбленной парочке.

Каницар представил растерянные лица, с разрастающимся чувством ужаса в глазах, гаснущим вместе с уходящей жизнью. Знакомая картина, наблюдаемая не раз, когда острый клинок пронзает тело врага в том месте, где прячется жизнь, освобождая душе путь в мир теней.

Осуждающий взгляд Буданы, выплывший из глубины сознания, остудил звериный порыв, заставив Каницара продолжить наблюдение.

Тень, отбрасываемая гигантским деревом, скрывала черты лица возлюбленного Марфы, создавая интригу и распляя любопытство Каницара. Вернуться, не разобравшись в ситуации до конца, он не мог, но был уверен в том, что про-

явленное терпение позволит распознать личность незнакомого.

Каницар небрежным движением отодвинул веточку, закрывавшую ему обзор, тоскливо отметив неизменность наблюдаемой картины.

Легкий шорох, выбивавшийся из стройного оркестра звуков, наполнявших ночной лес, заставил опытного бойца сосредоточиться. Выработанное годами постоянной близости смерти чувство, позволяющее безошибочно распознавать опасность, призывало к осторожности. Горячая волна пробежала по его телу, наполняя мышцы скрытой энергией, готовой вырваться наружу при первой возможности.

Внешне Каницар оставался невозмутимым, сохранив ту же позу, тот же поворот головы и положение рук. Звук, выделенный воинской интуицией из сотен шорохов, живших в лесу, вытеснил из сознания все остальные шумы, приближаясь и становясь все более ощутимым.

Каницар закрыл глаза, попытавшись представить источник этих звуков. В сознании четко всплыл образ крадущегося человека. Вот хрустнул под ногой сучок, ветка дерева прошуршала по одежде, ласково погладив таинственного гостя, вздохнул бугорок мха, раздавленный сапогом.

Каницар начал двигаться, отходя глубже в лес, стараясь идти так, чтобы не спугнуть влюбленных, но в то же время и обнаружить свое присутствие перед незнакомцем.

Человек направился в его сторону, привлекаемый шагами

Каницара.

Каницар то слегка ускорял свое движение, то замедлял, дразня невидимого преследователя. Он то затихал, теряясь между деревьями, то вновь обнаруживал себя, как птица, уводящая от своего гнезда хищника.

Он понимал, что рано или поздно преследователь поймет, что раскрыт. Каницару важно было не прозевать этот момент. Еще немного, и расстояние, отделявшее от Марфы и ее возлюбленного, будет достаточным, чтобы скрыть шум боя.

Но нет, кажется, увести противника слишком далеко не представляется возможным. Легкие шаги за его спиной вдруг стали более тяжелыми и осмысленными.

Каницар отпрыгнул в сторону, уворачиваясь из-под удара и на ходу обнажая обе сабли.

Он прекрасно владел искусством двуручного боя, поэтому из оружия предпочитал сабли, легкие и острые, способные проникнуть даже сквозь еле видимую щель в доспехах.

Преследователь промахнулся и замер в недоумении от того, что ему не удалось поразить еле передвигающуюся цель.

Перед Каницаром стоял некрупный, но весьма жилистый противник, вооруженный длинным кинжалом. Поняв, что бой не закончится одним ударом ножа, он вытащил неширокий обоюдоострый меч, неприятно скрипнувший при расставании с ножнами.

На теле нападавшего были кожаные доспехи, поблескивающие в лунном свете стальными накладками. Хорошие до-

спехи, но не настолько, чтобы защитить от острого лезвия сабли.

Глаза противника внимательно разглядывали Каницара. На лице нападавшего промелькнула гримаса недовольства.

Каницар решил, что соперник узнал его и не очень рад предстоящему поединку. Казалось, еще минута ожидания, и потенциальный убийца бросится с распростертыми объятиями и извинениями к угру.

Досада от возможности избежать поединка горячей волной захватила Каницара, бросая в бой.

Он первым нанес удар. Сабля, встретившись со сталью меча, передала своему хозяину уверенность и силу, которой обладал противник.

Несостоявшийся убийца крикнул, производя ответный выпад.

Каницар больше не видел в его глазах сомнения или страха. Перед ним был опытный воин, умевший подчинять свои чувства единственной цели, существующей в бою, – поразить врага.

Противники обменялись парой ударов, после которых Каницар заметил, что на его выпады левой рукой убийца реагирует с небольшим опозданием.

Несколько ударов подряд, нанесенных саблём, зажатой в правой руке, отвлекли внимание противника, и короткое, почти невидимое движение другим клинком распороло ему горло чуть выше доспеха. Кровь, смешавшись с воздухом

аорты, пузырями хлынула на грудь. Боец сделал по инерции еще один шаг, его глаза затанулись пеленой, и он упал лицом в траву.

Каницар с сожалением о слишком короткой битве проводил взглядом падающее тело. Мощным движением ноги угр перевернул труп лицом вверх. На груди убитого красовалось изображение ворона, сейчас испачканного кровью.

Дружинник потер пальцем металлические крылья хорошо известной ему птицы, служащей символом рода Свенельда, понюхал кровь, оставшуюся на них после прикосновения к ворону. Теплый терпкий запах напомнил о походах в составе войска Игоря, возможно, даже рядом с этим человеком, только что следившим за Марфой, а сейчас глядящим мертвыми глазами в ночное небо, украшенное звездными брызгами.

Интерес к персоне Марфы со стороны ближайшего воеводы Ольги показался Каницару несколько странным.

Он закрыл глаза воину, оказывая ему последнюю услугу, и отправился к месту своего наблюдения.

* * *

Тихие скрежещущие звуки металла, еле различимые на фоне дыхания леса, вернули Везничу чувство тревоги, исчезнувшее с появлением Марфы. Ведун приблизил к себе лицо девушки, до этого уткнувшееся в складки рубахи на его

груди. Упругие щеки смешно морщились, утонув в широких ладонях оборотника.

– Поедем отсюда. Найдем более уютное место. – Везнич старался говорить ровно, опасаясь выдать растущее волнение.

– Не хочу. – Марфа освободила лицо от сжимающих его ладоней. – Разве здесь плохо?

– Конечно нет. – Везнич начал волноваться еще больше от того, что лязг металла прекратился. Ему не хотелось пугать Марфу своими подозрениями, но было ясно, что угроза для них вполне реальна. – Сегодня особый день, и мне бы хотелось провести его особенно.

Марфа поджала губы, превращая их в тонкую хищную ниточку, говорящую о крайней степени недовольства. Она энергично развернулась к Везничу спиной, освобождаясь от объятий любимого.

– Верь мне. – Везнич положил на плечи девушки руки, ощутив легкую попытку их сбросить. – Все будет гораздо лучше, чем обычно.

– Что значит лучше, чем обычно? – Марфа капризничала. Просто так, лишь бы капризничать. Везнич погладил ее по голове, пытаясь передать хоть маленькую толику огромной нежности, спрятанной под балахоном равнодушия. Он понимал, что цель капризов – получить дополнительную порцию ласки, которую он так редко дарит своей любимой.

Присутствие удушливой петли чужого внимания, испы-

танное в образе совы, до сих пор не исчезло, напоминая, что рядом опасность.

Оборотник подхватил на руки Марфу, ощутив необычайную легкость девушки. Ее лицо было совсем близко, демонстрируя притворный гнев.

– Поехали, – Везнич произнес негромко, но настойчиво, поцелуем предупреждая возможное возмущение. Поняв, что его поцелуй не остается без ответа, волхв одним движением усадил Марфу на лошадь. Лошадка слегка присела, почувствовав на себе вес второго седока, когда Везнич запрыгнул на ее спину позади Марфы.

Волхв внимательно осмотрел лес, обступавший поляну, пытаясь разглядеть что-нибудь подозрительное. Он пожалел, что не может сейчас видеть так же отчетливо, как сова. Лес выглядел обычным, упрямо пряча в себе неизвестную опасность.

Оборотник направил лошадь вдоль реки к проезжей дороге, на которой их следы могли затеряться среди следов других путников.

На мгновение остановившись, он заметил любопытство, вспыхнувшее соблазнительной искоркой в глазах девушки, украдкой рассматривающей его еле шевелящиеся губы, произносящие несложное заклинание.

Трава на поляне выпрямилась, скрывая следы пребывания людей. Теперь никому – кроме опытного мага – не обнаружить, что они были здесь.

Необходимо быстрее выбраться на дорогу. Там, среди сотен отпечатков ног, копыт и колес повозок, даже магу не разобраться, где их следы.

Лошадь ступала осторожно, не издавая никаких звуков. Трава, примятая ее копытами, тут же распрямлялась как ни в чем не бывало, такая же свежая и нетронутая, какой была до того, как ее потревожили лошадиные ноги.

Везнич несколько раз оглянулся, пытаясь увидеть или почувствовать преследователей, но все было тихо и пустынно.

Каницар смачно выругался, уже не боясь быть услышанным, и подозвал свистом коня, мирно пасущегося за деревьями, вдали от любопытных глаз.

Место, где он оставил влюбленную парочку, было пусто. Мало того, поляна выглядела так, как будто на нее не ступала нога человека уже несколько месяцев. На свежей, словно только выросшей траве не было ни одной вмятины, ни одного сломанного стебелька. Влюбленные как будто не касались земли и все время парили в воздухе.

Угр погладил конскую шею, получая удовольствие от прикосновения к грубым волосам гривы. Конь доверчиво ткнулся холодным носом ему в щеку. Отчетливо представилось раздражение Буданы.

«Старый пень. Дохлая крыса. Теряю хватку», – обругал себя Каницар, настраиваясь на еще больший скандал. Оскорбления помогли, но ненадолго. Осталось противное

чувство поражения, испытываемое довольно редко.

– Чего подлизываешься? – Угр легким движением руки шлепнул коня по морде. – Поехали уже. Хватит отдыхать.

Конь заволновался, почувствовав на себе возбужденного седока, часто-часто затопал ногами и сорвался в галоп, подчиняясь воле хозяина.

* * *

Неожиданно возникшая дорога выглядела неуместной проплешиной между плотных зарослей леса, ограждавших ее с двух сторон. Везнич облегченно вздохнул, с опаской глядя назад сквозь частокол деревьев.

– Что за вздохи? Ты словно ужасную отвратительную работу делаешь. – Марфа капризно посмотрела на волхва, поворачиваясь к нему лицом.

– Тебе показалось. – Везнич отвернулся не в силах выдержать пристальный взгляд девушки.

Лошадь оживилась, почувствовав плотно утоптаный грунт. Глухой стук копыт зазвучал нежелательной музыкой. Везнич вновь глубоко вздохнул, поспешно сдерживаясь, чтобы не заметила Марфа.

– Ага, опять! – тут же выпалила девушка, словно карауля оплошности волхва.

Оправдания Везнича, готовые поддержать начатую игру в капризную девчонку, остались невысказанными. Легкое

поскрипывание плохо смазанных колес и негромкие голоса людей прозвучали совсем рядом, вплетаясь в равномерную дробь копыт Звездочки. Оборотник поспешно накинул капюшон на голову Марфы, прижав палец к губам. Она, поняв намек превратно, вновь сердито отвернулась.

Дорога, сделав крутой поворот, выпрямилась в узкую просеку, уходящую к горизонту. Впереди, в нескольких десятках шагов, показалась телега, нагруженная каким-то барахлом, укрытым сверху куском холщовой ткани. Повозка тихо поскрипывала, вздрагивая на редких камнях, попадавших на идеально ровной в это время года поверхности дороги. Слова людей сливались в непонятное бубнение, прерываемое лишь радостными возгласами и смехом.

Громче всех хохотал всадник, едущий рядом с телегой. От смеха и активной жестикуляции его мотало так, что казалось, он сейчас вылетит из седла. В очередном приступе безудержной радости он обернулся и тут же замолчал, заметив Везнича и Марфу.

Скрываться не было смысла. Везнич попытался рассмотреть людей в телеге. Лошадью управлял бородатый мужик, похожий на земледельца или ремесленника. Скорее всего, он вез свой товар в Киев. Сзади сидел парень, даже в темноте обращавший на себя внимание гладким, не носящим следов растительности лицом. Парня болтало из стороны в сторону на ухабах, но это не мешало ему постоянно что-то говорить. Компания выглядела миролюбивой.

Все еще чувствуя некоторое внутреннее напряжение, волхв направил Звездочку в сторону случайных попутчиков. Возникшая идея затеряться среди чужих людей показалась удачной. Еще один шанс запутать лесных преследователей.

Путники, обескураженные неожиданной встречей, растерянно замолчали.

– Здравствуйте, люди добрые. – Везнич попытался придать голосу как можно больше миролюбия.

– Да и вы, здоровы будете... – Всадник подъехал ближе к влюбленной паре, пытаясь заглянуть в лицо Марфе, скрытое капюшоном. – Не думал я, что ночью на дороге попадутся попутчики.

– Да и мы никого не ожидали встретить. – Везнич снова попытался быть миролюбивым, хотя чувствовал в голосе всадника скрытую агрессивность. – Что за нужда заставляет вас путешествовать по ночам?

Мужчина неловко поежился. Ему явно этот вопрос был не по душе.

– Везем кое-какой товар в Киев, надеемся выгодно продать, да вот самую малость не рассчитали до постоянного двора. Застала нас ночь в пути. – Он выглядел внешне спокойным, но легкая нервозность выдавала внимательному глазу волхва глубоко спрятанное напряжение.

Мужчина казался невооруженным. Во всяком случае, на нем не было ни меча, ни сабли. Если и имелось какое-нибудь оружие, то оно находилось далеко под одеждой и не превы-

шало размеров ножа. Разбойников, слава богам, на этих дорогах не замечали, так что риск путешествия был небольшим.

– А вы далеко ли путь держите? – спросил мужчина тоном, говорящим скорее о вежливости, чем о любопытстве.

– К родственникам с женой погостить в Киев едем, а ночью – по той же причине, что и вы. – Теперь уже пришла очередь напускать на себя спокойствие Везничу.

– Устала, поди, женка-то верхом маяться. Сади в телегу к моей, пусть отдохнет, – мужчина любезно указал на повозку.

Везнич удивленно посмотрел на молодого обитателя повозки, принятого им за юношу, все еще сомневаясь в правдивости услышанных слов.

– Пускай садится со мной, – женщина подала первый раз голос, который оказался весьма приятным, да и лицо – несмотря на мужскую шапку и спрятанные под нее волосы – выглядело довольно милостивым.

– А что это твоя жена в мужской одежде? – спросил Везнич, не думая, а потом понял, что этот вопрос был, пожалуй, лишним.

– Удобней так в дороге... – Мужчина явно нервничал от расспросов. – Я же не спрашиваю, почему твоя жена лицо прячет, как басурманка какая?

– Стеснительная она у меня, – теперь Везничу пришлось выворачиваться.

– Я сяду в телегу, – Марфа сама приняла за него реше-

ние, то ли пытаясь разрядить возникшее недоверие, то ли из вредности.

Вся компания притормозила, и Марфа, соскользнув с лошади, перебралась в телегу, устроившись рядом с женой хозяина повозки.

Бородач, управлявший телегой, оглянулся, внимательно разглядывая Марфу.

Марфа по-прежнему прятала лицо, стараясь как можно меньше светиться перед незнакомыми людьми.

– Настасья, – представилась соседка, мило улыбнувшись.

В ее голосе чувствовалось расположение к Марфе, как будто она понимала все происходящее – возможно, даже сама находилась в подобной ситуации.

– Марфа.

Везнич бросил недовольный взгляд в сторону любимой, опрометчиво вынырнувшей из-под глубокого капюшона, показывая попутчице свое лицо в знак взаимного доверия.

– Накрой голову, замерзнешь. – Слова волхва прозвучали необычайно глупо на фоне теплой летней ночи, заставив всех замолчать. Марфа даже не повернулась в его сторону.

На какое-то время воцарилась неловкая тишина, которую рассеяли звуки копыт. В свете луны отчетливо виднелись силуэты трех всадников, напоминавших княжеский разъезд и движущихся им навстречу.

Везнич, уже начавший успокаиваться, пожалел, что позволил Марфе пересест в телегу, лишившись возможности

быстро скрыться в придорожном лесу.

Не пытаясь больше изображать спокойствие, Везнич протянул Марфе руку, чтобы втащить ее на лошадиный круп.

– Руку! Быстрее! – Он не узнал свой голос, прозвучавший сдавленно, с неприятной хрипотцой.

– Не надо, – верховой спутник коснулся плеча Везнича.

Волхв был готов выхватить нож, висевший на поясе. Он крепко сжал костяную рукоятку, но слова незнакомца остановили последнее движение руки.

– Настасья, спрячь девушку под холстину. – Мужчина казался даже более спокойным, чем в тот момент, когда отвечал на вопросы Везнича.

Он скинул с себя кафтан и бросил его на телегу.

Везнич заметил закрепленную у него на спине короткую саблю, которая была спрятана под верхней одеждой и теперь стала доступной для сражения.

Марфа смотрела снизу вверх на волхва. Спокойный взгляд и ровный тон голоса подействовали на Везнича успокаивающе.

– Я спрячусь здесь, не волнуйся. – Девушка нырнула под ткань, сливаясь с барахлом в телеге.

– Чего по ночам шляемся? – крикнул один из встречных всадников, находясь еще на приличном удалении. Все молчали.

Не получив ответа, дозор направился к путникам.

– В Киев торговать едем. – Хозяин телеги говорил негром-

ко, дождавшись, когда всадники приблизились вплотную. Его физиономия выглядела глупейшим образом.

– Чем торгуете? – Дозорный направился к повозке, показывая всем своим видом, что намеревается проверить ее содержимое.

– Так ведь ясно чем – девицами прекрасными. Показать? – Спутник вытащил саблю и нагнулся к телеге, демонстрируя своим видом, что концом клинка готов откинуть ткань, скрывающую ее содержимое.

Везнич взялся за нож, полный решимости прыгнуть и разорвать любого, кто осмелится причинить вред Марфе. Он уже ненавидел своего случайного спутника.

– Хочешь меня? – раздался скрипучий жуткий голосок вместе с появившейся из-под полога головой Настасьи. Ее лицо было грязно и искажено нелепой гримасой, от которой одновременно хотелось смеяться и плакать.

– Тьфу на тебя! – дозорный отпрянул в сторону. – Это что? Баба, что ли? Или пацан-недомерок?

Везнич и сам растерялся, видя такое преображение еще совсем недавно миловидной девушки.

– А я и сам не знаю... – торговец сделал недоуменное лицо. – Но оно злое, как собака. Охраняет имущество.

Дозорный махнул рукой, выругался, досадуя на себя за испуг, и направил коня прочь, следуя своей дорогой.

– Тормози, родимые! – Бородач натянул поводья, останавливая влетевших на постоялый двор лошадей, чувствующих отдых и кормежку.

Колеса телеги расплескали похожую на кукиш лужу, на мгновение оголяя покрытое слизью дно.

Шум стекающей воды еще некоторое время заполнял пространство звуками, уступающими место необычной для постоялого двора тишине.

– Вымерли все, что ли, – недовольно буркнул хозяин телеги.

– Ага. – Бородач чихнул, смачно размазывая слюни по лицу. – Хоть бы лошадей приняли.

Отвратительно скрипнув, запахнулась дверь, из-за которой вслед узкой полоске света выглянула белобрысая голова сонного мальчугана.

– Тришка, кого там черти среди ночи принесли? – Интонация голоса, звучащего из глубины здания, не оставляла сомнений в том, что здесь люди не только спят, но и пьют.

– Люди тут, – ответил не оборачиваясь парень и, поеживаясь, нехотя выполз в ночную прохладу.

– Лошадей прими. – Бородач сморщился в предчувствии чиха, от чего его голос прозвучал жалобно.

– А се так. Сами не можете, сто ли? – Тришка потянулся

до хруста в позвоночнике, явно не собираясь принимать лошадей.

– Ах! – Издав чих, похожий на вопль, Бородач без паузы продолжил его ругательствами: – Я тебе ноги из зада выдеру, картавый хреночес!

Тришка тут же проснулся, бросаясь к лошадям.

– Кто это моих работников смеет ругать, кроме меня? – Шароподобный силуэт человека, отмеченный блестящей лысиной, темным пятном возник на фоне дверного проема, тускло светящегося изнутри.

– Матвей, не возмущайся, это я, Идан, – хозяин повозки приветливо махнул рукой силуэту.

– Вижу-вижу морду твою хитрую. – Трактирщик колобком выкатился во двор, широко раскинув руки для объятий.

Далеко выпирающий живот позволил Матвею обхватить Идана только за края плеч.

– Что, и Прибыща с тобой? – Матвей уже не столь радостно покосился на бородача.

– И Прибыща, и Настасья. – Идан, обхватив Матвея за плечо, повел в сторону, что-то шепча на ухо. Матвей посерьзнул и удовлетворенно кивнул.

– Старые друзья? – спросил Везнич Прибыщу, указав в направлении Матвея.

– У этого колобка с ножками одни только друзья – звонкие монетки, – пробубнил Прибыща, проверяя, крепко ли мальчишка привязал лошадь.

Везнич, подхватив под руку Марфу, покорно стоявшую в сторонке, шагнул внутрь трактира, совмещенного с комнатами для постояльцев.

В помещении царил полумрак, слегка разбавленный желтыми отблесками свечей. Кислый воздух обжег ноздри, заставляя морщиться. Хаотично расставленные столы пестрели разноцветными пятнами впитавшихся напитков. Сонная тишина нарушалась посапыванием и причмокиванием не очень трезвых посетителей, пристроивших головы рядом с неубранными мисками.

Тришка, вновь ставший медлительным, лениво вытирал один из столов, сидя перед ним на лавке.

– Нам бы комнату, – Везнич вполголоса обратился к пареньку.

– Туда ступай, – Тришка махнул рукой в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

– Спать захотелось, сладенькие. – Старушечий голос, наполненный елеем, проскрипел из ниши, образованной стеной и лестницей. Раздался грохот падающего предмета, и показалась старуха, одетая слишком чисто для такого места.

– Ночь уже, бабуля. Устали с дороги. – Везнич смутился под пристальным взглядом бабки.

– Пойдемте, родненькие. – Бабка кряхтя зашагала вверх по крутой лестнице. – У тебя коленки не болят? – неожиданно спросила старуха, останавливаясь посреди дороги.

– Рано еще, – ответил Везнич, не понимая, зачем это нуж-

но знать старухе.

– Ну-ну, – промычала бабка, продолжая движение.

– Здесь спать будете, – старуха толчком распахнула дверь комнаты, вопросительно посмотрев на парочку.

Комнатка была небольшая, но на удивление чистая и уютная.

– Смотрите, еще больше не устаньте, – буркнула старуха, не поворачивая головы при спуске вниз. Везничу слышался легкий смешок в конце ее слов.

Грубая деревянная кровать, застеленная простынями, претендующими на звание белоснежных, приглашала к безмятежному отдыху. На столе у окна стоял глиняный кувшин, наполненный водой. Его отполированный пузатый бок отражал огонь тусклой свечи.

Везнич задвинул массивный засов, испортив отвратительным скрипом почти идеальную картину.

– Ну и что мы будем делать, повелитель всего живого? – Марфа плюхнулась на кровать, озорно поглядывая на волхва. – Насколько сильно ты намерен устать?

Везнич смутился, понимая, что сейчас будет вынужден разочаровать любимую. Его взгляд стал слишком серьезным, и это заставило Марфу сесть.

– Мне нужно сказать тебе что-то важное. Ты готова слушать? – Нелепость этой фразы еще больше смутила волхва.

– Да, конечно. – Марфа попыталась изобразить на лице пристальное внимание, но ей это удалось с трудом.

– Я очень люблю тебя, ты единственный человек в мире, ради которого я готов на все: умереть, убить, терпеть страдания. Я люблю в тебе все твои достоинства и недостатки. Твое счастье для меня важнее всего...

Марфа закрыла глаза после этих слов, светясь счастьем и спокойствием.

– Говори, говори. Я слушаю, – вставила она во время возникшей паузы.

– Но... именно поэтому... – Везнич продолжил речь, дававшуюся ему все с большим трудом. – Мы должны прекратить наши встречи. Я с ужасом думаю о том, как тебе приходится врать и изворачиваться, общаясь с мужем. Я чувствую твои страдания от угрызений совести, осознавая всю преступность наших встреч. Я вижу глаза твоего сына, который каждую ночь приходит ко мне во сне, глядя с укором. Что может дать тебе простой волхв по сравнению с великим князем? Святослав боготворит тебя, и он не заслужил к себе подобного отношения.

Марфа вздрогнула, открывая глаза. До нее сквозь музыку любимого голоса постепенно доходил смысл слов Везнича. Она начала осознавать, что это – прощание. Игривая маска уступала место на лице гневу. Она говорила твердо, резко, с каждым словом все громче и громче:

– Ты неправ, любимый. Святослав в первую очередь мне друг. Мы дружили с детства и принимали эту дружбу за любовь. Нам хорошо было вместе играть, носиться по лесам,

охотиться, болтать, рассказывая друг другу самые сокровенные тайны. Но не больше того. Я первый раз задумалась о нем как о мужчине только тогда, когда мой отец и его мать уже решили все за нас. Мы просто подчинились их воле, не думая о любви. Святослав очень хорошо ко мне относится, и мне правда очень стыдно изменять ему, но я люблю тебя. Впервые с тобой я поняла, что такое любить и быть любимой. Я все стерплю ради нашей любви. Я не представляю, чем смогу заполнить место в душе, принадлежащее тебе.

– Любая рана заживает, и любая болезнь проходит... – Везнич пытался говорить сухо, но у него это не получалось. Его голос был насквозь пронизан нотками любви. – Пройдут и чувства ко мне. Ты обретишь покой в семье. Это большое счастье жить с прекрасным мужем, растить детей, которых, я думаю, у тебя будет еще много, честно смотреть ему и детям в глаза, не переживая за свое будущее и будущее детей.

Марфа снова попыталась возразить Везничу, но он прикрыл ей рот ладонью, боясь, что девушка сорвется на крик.

Марфа больно куснула пальцы, закрывающие ей рот. Везнич сморщился от боли, но стерпел. Девушка, опомнившись, начала целовать укушенное место, опустив лицо и пряча глаза. Везнич почувствовал, как мокнет ладонь от поцелуев, смешанных с горячими слезами.

Он провел рукой по вздрагивающей голове Марфы, чувствуя себя абсолютным идиотом. Еще недавно решение, казавшееся правильным, сейчас выглядело нелепым и безрас-

судным. Везнич начал целовать возлюбленную в мокрые щеки, в припухшие от соленой влаги веки, натываясь губами на жесткие реснички.

Он потерял контроль над собой, погружаясь в сладкое небытие, когда ничего не существует вокруг, кроме двоих влюбленных.

Глава 2

Торжественная процессия, состоящая из десятка людей в пышных, но изрядно запыленных одеждах, остановилась перед распахнутыми воротами, дружелюбно приглашавшими путников в Киев.

Иаков Бен Элизер с интересом разглядывал срубленное из дерева грандиозное сооружение, уходящее вверх на два яруса, каждый высотой в четыре человеческих роста. Шея хрустнула от сильно запрокинутой головы в попытке разглядеть деревянную башню, сурово оскалившуюся бойницами. Ругательство замерло во рту, сдерживаемое природным благочестием.

– Вы что-то сказали? – мар Саул с любопытством посмотрел на проглотившего ругательство спутника.

– Нет, ничего. – Иаков направил лошадь в ворота внушительной ширины, через которые одновременно могли проехать четыре, а то и пять телег.

Он с удивлением смотрел на проходящих мимо людей, абсолютно равнодушных к чужестранцам. Их реакция на новое вызывала недоумение.

Вокруг путников не собирались зеваки, не бегали дети, разглядывая непривычную одежду. Все было обыденно и спокойно.

– Нам нужно найти купеческий квартал, кажется, его на-

зывают здесь Козар, – произнес приблизившийся вплотную к Бен Элизеру мар Саул, дохнув в лицо пожилому еврею «ароматной» смесью лука и порченных зубов.

– Хорошо, – Иаков согласился со спутником, невольно отворачивая лицо. – Надеюсь, нас достойно примут братья купцы и окажут посильную помощь.

Иакову, несмотря на недовольство и возмущение, ражданитская община Аахена поручила доставить посланников могущественного кордовского сановника Хасдая ибн Шафрута к хазарскому беку Иосифу.

Мар Саул и мар Иосиф, как и он сам, были подданными короля Оттона, а не кордовского халифа, но выработанная веками и впитанная с молоком матери привычка помогать единоверцам не позволила отказать достопочтенному Хасдаю в его просьбе.

На Иакова выбор пал потому, что он неоднократно бывал в стране русов и торговал с ними. Он с трудом, но все же понимал их язык и поэтому легко мог провести посольство до Итиля через земли, подконтрольные киевской княгине. Кроме того, в Киеве имелась обширная еврейская община, которая – как посчитали братья – непременно окажет помощь в столь нелегком переходе.

Иаков не раз бывал в Козаре, но это было давно. Сейчас Киев смотрел на него незнакомыми домами и новыми улицами, вызывавшими растерянность.

Распрямив спину и принимая невозмутимый вид, Иаков

попытался сообразить, в какую сторону им двигаться, но, поняв тщетность своей попытки, стал разыскивать глазами человека, способного им помочь.

Людей на улицах появлялось все больше. Начинался трудовой день.

Иакову показалась достойной его внимания приличного вида женщина, судя по одежде – зажиточная горожанка, возможно, торговка, что было более близко купеческой душе.

Толстая старая лошадь, предоставленная ему для путешествия, послушно остановилась, позволяя спешиться.

Иаков, изобразив на лице почтительную улыбку, направился к женщине, волоча под уздцы недовольную лишними шагами лошадь.

Женщина, смущенно отводя глаза, все же с любопытством вслушивалась в нескладную речь еврея, пытавшегося спросить, как добраться до иудейского квартала. Наконец, разобравшись, в чем дело, приветливо заулыбалась, кивая головой, жестикулируя руками и произнося незнакомые для Иакова названия.

Иаков, очарованный грациозными жестами, засмотрелся на ярко-красные губы, из которых лились звуки мелодичного голоса, но не понял ни слова и попросил повторить сначала.

Женщина с досадой махнула рукой, сказав, как показалось Иакову, что-то обидное, и потянула его за рукав, собираясь, по всей видимости, показать дорогу.

Лошадь Иакова натянула поводья, демонстрируя свое

нежелание двигаться вперед. Иаков дернул уздцы излишне резко и зло, боясь показаться в глазах женщины нескладным. Лошадь сдалась и нехотя зашагала, увлекая за собой остальную процессию.

В пешем виде делегация стала привлекать к себе больше внимания.

Иаков не любил повышенного интереса к своей персоне, потому нервничал. Зеваки останавливались и, ничуть не смущаясь, пристально разглядывали путников.

Начала собираться толпа.

– Вам не кажется, что мы привлекаем к себе излишнее внимание? – недовольно проворчал мар Саул через плечо Иакову, шагавшему впереди.

– Не надо наступать на большую мозоль. Можно подумать, я в восторге от столь пристального внимания. Давайте станем невидимками, и проблема решится. – Иаков не любил, когда ему указывали на очевидные проблемы, не имеющие решения.

– Может, нам помогут и отгонят зевак эти достопочтенные рыцари? – Саул указал на находящихся неподалеку дружинников с изображениями воронов, украшавшими одежду.

Иаков перехватил тяжелый взгляд пожилого мужчины, по всей видимости старшего, с подозрением осматривавшего их процессию.

– Да-да! Эти скорее помогут нам расстаться с головами, чем найти сородичей, – все больше злился Иаков.

Он вздрогнул, инстинктивно втягивая голову в плечи, от резкого рывка за широкий рукав кафтана.

Шустрый мальчишка бродяжной наружности дергал Иакова с непостижимым неистовством, торопливо выкрикивая слова. Он говорил так быстро, что Иаков не успевал разобрать ни одного слова. Ничего не добившись, мальчишка оставил непонятливого иудея и направился к собравшейся толпе из нескольких десятков горожан.

– Что ему было нужно? – спросил Саул.

Его голос звучал так нудно, что начинал вызывать у Иакова отвращение, которое примешивалось к устойчивому раздражению, несвойственному обычно спокойному еврею.

– Почему ты считаешь, что я знаю обо всех желаниях этих прохожих? Наверное, хотел милостыню попросить. – Иаков еще раз взглянул вслед уходящему мальчишке, краем глаза заметив знакомый предмет, который тот прятал в складках одежды.

Ступор, вызванный догадкой – упорно не признаваемой рациональным умом торговца, – сменился ужасом от осознания, что этот предмет – его расшитый золотом кошелек с немалой суммой, приготовленной на содержание посольства в дороге.

Иаков услышал свой собственный голос, звучащий где-то далеко, как будто со стороны:

– Держите вора!

Лошадь довольно фыркнула, чувствуя брошенные пово-

дья.

Иаков бежал, неуклюже переставляя ноги и путаясь в длинных полах тяжелого кафтана, обильно украшенного вышивкой, боясь растянуться на мостовой и оттого двигаясь нереально медленно.

Малый, наоборот, мчался по улице со всех ног, ловко маневрируя между прохожими.

Злость, досада, отчаяние и безмерное горе выплеснулись в истошный вопль, брошенный в удаляющуюся спину мальчишки:

– Держите его!

Помощь пришла с той стороны, откуда ее ждали меньше всего.

Хмурый дружинник, недоверчиво всматривавшийся в их процессию пятью минутами ранее, ухватил мальчишку за край одежды.

Малец вывернулся, оставляя в руках преследователя кафтан и теряя на бегу шапку.

Всеобщий вздох ощутимо ударился в лицо Иосифа, сливаясь с его собственным:

– Ах!

Роскошные волосы, освободившиеся от головного убора, превратили мальчишку в очаровательную девушку.

Преследователя это несколько не смутило. Он ловко ухватил беглянку за гриву, наматывая на кулак прядь за прядью.

Девушка взвизгнула от боли, бранясь, как прожженный

бродяга, и вырываясь.

Дальнейшие события развивались стремительно, сопровождаемые дружным аханьем толпы.

Раздался свист короткой сабли, больше похожей на длинный нож, находящейся в руке мужчины, выскочившего из гущи народа.

Свист сменился криком дружинника, растерянно разглядывающего лежащие на мостовой пальцы с намотанными на них волосами, отсеченные острым клинком.

Девушка благополучно скрылась между домами в узкой улочке, отходящей в сторону от центральной дороги.

И это было именно то, что не должно было произойти ни при каких обстоятельствах!

Иаков как во сне наблюдал за происходящим, уже не испытывая никаких эмоций.

На помощь раненому поспешили товарищи, до этого исполнявшие пассивные роли зрителей.

Нападавший попытался убежать, но воины ловко перекрыли ему все пути к отступлению. Мужчина покорно бросил саблю на дорогу, признавая себя побежденным и предпочитая сдачу дальнейшей борьбе.

Дружинники скрутили ему руки за спиной, связывая их веревкой, не упустив возможности смачно ударить несколько раз между ребер.

– Спокойнее, – осадил разошедшихся дружинников седосый пожилой воин со шрамом на лице. – Воевода разберет-

ся и примет правильное решение.

Иакову показалось, что связанный мужчина, подгоняемый пинками, хитро подмигнул, но это не могло ему вернуть пропавший кошелек. Шустрая девица, переодетая мальчишкой, исчезла в недрах города, и шансов на ее поимку не было никаких.

– Господа рыцари, господа рыцари... – Иаков попытался остановить стражников.

– Чего тебе? – Седоусый дружинник бегло глянул через плечо, демонстрируя, что не расположен к продолжительным разговорам.

– Сбежавшая девушка украла у нас деньги. – Иаков вложил в эти слова все возможное почтение, но голос звучал скорее заискивающе.

– Так ловите ее, – с усмешкой бросил дружинник, собираясь идти дальше, но потом неожиданно спросил: – А что? Денег было много?

Иаков замялся, не зная, как ответить.

– Ну, это смотря с чем сравнивать. Император или ваша княгиня скажут, что это незначительная сумма. Нищий скажет, что это очень много.

– Не темни! – резким голосом прервал стражник.

– Сто солидов, – торопливо выпалил Иаков, проглатывая слова, в смутной надежде, что стражник не расслышит.

Седоусый переменялся в лице. Его голос зазвучал заинтересованно и деловито:

– Я думаю, мы примем все меры для поимки преступницы.

В глазах стражника Иосиф прочитал то, из-за чего так неохотно озвучил пропавшую сумму: корысть и жадность. Покорно кивнув головой, еврей побрел к оставленной процессии.

– Что, наши дела так плохи, как выглядит твое лицо? – спросил, хмурясь, обычно молчаливый мар Иосиф.

Иаков, уважая невозмутимого еврея и предпочитая его светливому Саулу, ответил как можно почтительней:

– Нет. Наши дела выглядят как совсем другое место – противоположное лицу.

– Что? Как?.. – попытался уточнить наивный мар Саул.

– Именно так! Как жопа! Большая грязная еврейская жопа! – Тон, которым произнес эти слова Иосиф, заставил замолчать всю процессию.

«Какие-то лица у них у всех похожие...» – отметил про себя Иаков, взглянув на спутников, которые медленно, словно на похоронах, продолжали путь к купеческому кварталу, подозрительно оглядывая попадавшихся навстречу людей.

* * *

Пробуждение произошло быстро, как будто сна совсем не было, хотя ощущение хорошего отдыха наполняло тело.

Рядом с кроватью стоял Каницар, возвышаясь темным си-

луэтом на фоне окна, за которым первые лучи играли в прятки с утренним туманом.

Все равно уже надо было вставать, поэтому появление земляка пришлось кстати. Ольга просыпалась рано и не любила, когда Будана – в обязанности которой входило помогать княгине с утренним туалетом – опаздывала.

В зеркале отразилось слегка припухшее со сна лицо. Будана провела пальцем под глазом, тщетно пытаясь расправить ненужную морщинку. Потом неторопливо взяла деревянный гребень, не обращая внимания на Каницара.

– Рассказывай, – бросила через плечо Будана и с удовольствием провела по волосам расческой, наслаждаясь их шелковистостью и густотой.

– Все как всегда с вами, бабами. – Каницар сморщился и покрутил головой, небрежно разминая затекшую шею.

– Ты что, спал, что ли? Шея затекла? – перебила воина Будана, стараясь вложить в голос металлические нотки начальника, часто слышимые в речи Ольги.

– В общем, к мужику она бегала... – продолжил как ни в чем не бывало Каницар, игнорируя демонстрацию вышестоящего положения. – К кому – не знаю. Не удалось разглядеть. Зато хорошо разглядел другого...

Каницар выдержал небольшую паузу, но Будана не стала его торопить, предпочитая спрятать разгоравшееся любопытство.

– За княжной следил человек из дружины Свенельда.

Будана прекратила на минуту расчесывать волосы, пытаюсь вспомнить малейшие намеки в дворцовой жизни на то, что Свенельд интересуется женой Святослава. Самим Святославом – скорее да, чем нет. Молодой князь постоянно задирает воеводу, испытывая к нему неприязнь.

Однако обитательницы терема Ольги до сих пор находились вне зоны интересов вездесущего воеводы.

– А он узнал тебя? – Будана начала волноваться.

Конфликт со Свенельдом не входил в ее планы.

– Думаю, что узнал. Только это уже не важно.

– Почему? – автоматически спросила Будана, все еще обдумывая, как ей вести себя со Свенельдом.

– Потому что он неожиданно умер.

Будана вопросительно посмотрела на собеседника и, прекратив расчесываться, повернулась к нему лицом. Смутная догадка пронеслась в ее голове.

– Да, я его убил. – Фраза Каницара звучала вызывающе, подразумевая правильность совершенных действий.

Мгновенно созревший в голове план оттеснил инстинктивное желание осадить дерзость Каницара.

– Спасибо за службу! – Будана наотмашь хлопнула собеседника по груди, видя, как великан кривится от такого панибратства.

Ей нравилось выводить его из себя, оставаясь безнаказанной. Клятва, вытребованная от Каницара князем Фаличи, делала этого воина ее рабом, и Будана в полной мере хотела

насладиться своей властью.

– Ступай к себе и сделай вид, что хорошо выспался, пока твое отсутствие никто не заметил.

Будана подтолкнула Каницара к выходу. С таким же успехом можно было толкать скалу. Ладони уперлись в бугры мышц, которые чувствовались даже сквозь одежду.

Будане в глубине души нравился этот могучий воин, и оттого еще больше хотелось им помыкать, наслаждаясь сладким чувством власти.

– Мне не привыкать изображать бодрость после бессонной ночи, так что не волнуйся. – Каницар позволил себя подтолкнуть к двери.

– Да и правда, на твоём каменном лице, кроме тупости, больше ничего не прочитаешь. – Будана засмеялась, закрывая за Каницаром дверь и подпирая ее спиной, чтобы великан не смог войти обратно. Не хотелось смотреть на его обиженную физиономию.

Скоро загудит дворец от проснувшихся обитателей. В ее распоряжении было немного времени, за которое ей хотелось слегка успокоиться – перед встречей с княгиней – от волнения, вызванного полученной информацией.

* * *

Свенельд замер в нерешительности напротив двери в покои жены. Стремление увидеть Власту наткнулось на неви-

димый барьер. Аромат соблазна, обычно царивший в ее покоях, вызывал боязнь ненужного влечения. Темно-коричневый сучок, напоминавший глаз животного, выделялся на фоне светлой двери, с любопытством наблюдая за колебаниями воеводы. Свенельд отвел взгляд в сторону и, все еще сомневаясь в правильности решения, потянул на себя дверь. Влажная ладонь прилипла к прохладной медной ручке, контрастируя с нахлынувшим жаром.

Желание посоветоваться с женой победило болезненное смущение, заставляя сделать шаг на малознакомую территорию.

Запах, наполнявший покои, был густым и терпким. Свенельд сморщил нос, еле сдерживаясь, чтобы не чихнуть.

Нехитрые женские предметы, разложенные ровными линиями с маниакальной тщательностью, создавали впечатлительные комнаты, в которой никто не живет.

Воевода редко заходил сюда и никогда не ночевал. Непонятное отторжение жены произошло после того, как она родила ему мертвого сына.

Виноватый взгляд, синее тельце в луже крови и бесстрастный голос знахаря, объясняющий, что жена больше не сможет иметь детей.

Это событие сделало Власту в глазах Свенельда непривлекательной. Исчез невидимый аромат, пьянящий мужчину в присутствии женской красоты. Она была по-прежнему прекрасна, она была готова делить с ним любовное ложе, но Све-

нельд упрямо предпочитал видеть в своей постели шлюх, которых забывал, еще не успев расстаться.

Власта, стоящая к нему спиной, тут же повернулась, среагировав на слабый шорох открывающейся двери.

Уголки ярко-красных губ слегка приподнялись в еле заметном намеке улыбки.

Свенельд остановился у входа, досадуя на робость сделать следующий шаг.

– Я удивлена и рада, – ровным, спокойным тоном произнесла жена, направляясь к воеводе. Ее рука едва коснулась плеча Свенельда. – Проходи, присаживайся.

Воевода, наконец победивший неловкость, грузно опустился в кресло, обитое красной тканью. Хрупкое сиденье негромко скрипнуло, заполняя невольно возникшую тишину. Свенельд вновь почувствовал щекотание в носу и, не удержавшись, чихнул, далеко разбрызгивая слюни.

– Чем у тебя тут пахнет? – Воевода перебил попытку пожелать здоровья.

Власта пожала плечами, смущаясь от грозного тона мужа.

– Мне ничем не пахнет. Ты пришел поговорить о запахах? – Власта пристально посмотрела в глаза мужу: – Говори. Я вижу, что тебя что-то беспокоит.

Свенельд нахмурился, сдерживая нарастающий гнев, вызванный замечанием жены. Власта была права. Ему необходимо выговориться.

– Сегодня произошло интересное событие, которое у ме-

ня вызывает двойственные чувства. Я не могу понять, чего больше – злости или любопытства.

Свенельд сделал паузу, пытаясь разобраться в себе. Власта попыталась что-то сказать, но он остановил ее, подняв вверх руку. Власта покорно замолчала, и Свенельд продолжил:

– Сегодня молодая княгиня не ночевала во дворце...

– Почему это злит тебя? – Власта все же заговорила, выждав некоторое время.

– Потому что мне это непонятно. Какова причина ночной отлучки? Какие у нее мотивы? Ночью – значит, тайно. А тайно – значит, с недобрым умыслом.

– Теперь ясно твое любопытство. – Власта выглядела абсолютно равнодушной, и это вновь разозлило Свенельда.

– Ничего не ясно! – резко перебил он жену. – Любопытно мне по другому поводу. Мне очень хочется разобраться, как я могу использовать это происшествие.

– Ты послал за ней шпиона? – Власта тоже повысила голос.

Воевода невольно поморщился, но стерпел выпад жены.

– Конечно, послал, но его до сих пор нет. Ты можешь что-нибудь предположить о Марфе? Я скоро буду у княгини и еще не решил, докладывать ей об этом или нет.

– Мне мало что известно о Марфе. Мы с ней не подруги. Ты же знаешь, что я не в числе фавориток княгини и бываю во дворце лишь по необходимости. Как-то не с руки мне прислуживать Ольге. Мой род древней, и будь в мире больше справедливости, Ольгу не допустили бы мыть мне ноги. –

В глазах Власты горел бесовский огонек, которого опасался даже Свенельд.

– И все же, как мне поступить?

– Ты слишком заботишься о княжеском роде и целомудрии членов их семьи. – Голос Власты был наполнен такой уверенностью, что Свенельд невольно почувствовал себя ее подчиненным. – Достаточно того, что ты обеспечиваешь их безопасность. Твой предок Аскольд правил этим городом, пока семейство Рюриковичей не захватило его. Ты больше Ольги достоин быть князем на этой земле.

Свенельд не возражал, когда Власта упрекала его в излишнем усердии, ради того, чтобы снова и снова слышать слова о своем исключительном происхождении и своих неизмеримых достоинствах. Перед глазами возник образ княжеского трона, далекого и недостижимого.

– Ты отлично знаешь, что дружина после смерти Игоря верна Ольге, народ ею доволен, да и прочие князья – на ее стороне. Любая моя попытка сменить власть в Киеве провалится.

– В твоих руках есть сильное оружие. У тебя на воспитании находится внук Ольги – Ярополк. Привлеки его на свою сторону. Отрави его душу ядом ненависти к родственникам, и он приведет тебя – а вслед за тобой и Люта – к власти.

Свенельд вернулся к действительности при упоминании имени сына.

– Только не про детей. – Воеводе не хотелось поднимать

больную тему. Он видел, что вся нежность Власты после охлаждения их чувств обрушилась как лавина на детей. И если избалованная дочь его не волновала, то заласканный сын ему не нравился. Власта игнорировала замечания мужа, и он ничего не мог сделать. Эта женщина не подчинялась ему и в то же время была необходима как воздух.

– Нет. Именно про детей. Я хорошо представляю, с какой стороны можно нанести удар княгине. Она одинока и уже немолода. А ее сын Святослав никчемный и бесполезный. Да, он ловок, силен и смел, имеет шайку закадычных дружков, с которыми весело проводит время в бесчинствах. Но его авторитет среди воевод и князей мизерный, а народ и вовсе терпеть не может за разгульный нрав, который доставляет ему немало хлопот и приносит порой существенный ущерб. Надеждой Ольги на достойное правление является только внук Ярополк. И у тебя, как наставника Ярополка, гораздо больше влияния на него, чем у матери или непутевого отца.

– Я делаю, что могу, но мальчик часто общается с бабушкой. – Свенельд пожал плечами: – Женское влияние портит мужчин, и он слишком слаб, чтобы противостоять родственникам.

Свенельд хотел, чтобы Власта поняла, что под женским влиянием он подразумевает ее отношения с сыном.

– Господин, господин! – за дверями покоев Власты раздались крики дружинников. – Вернулась лошадь разведчика!

Без седока!

Свенельд торопливо вскочил, зацепив рукой медную миску, предназначенную для умывания. Вода плеснула на ногу, расплываясь подозрительным пятном.

Негодование огненной волной плеснуло в лицо. Лошадь не могла вернуться без седока, если бы тот был жив. Убийство члена дружины Свенельда являлось неслыханной дерзостью.

Дверь глухо ударила за спиной, отправленная на место резким сильным движением.

– Блуда ко мне! – бросил на ходу воевода и направился в свою комнату.

* * *

– Что скажешь? – Свенельд, заметив взгляд своего слуги, украдкой брошенный на мокрые штаны, непроизвольно скривился.

– Да. – Блуд посмотрел в потолок, делая вид, что не видит подозрительного пятна.

– Что «да»? – разозлился воевода. – Говори по делу!

– Разведчика нет и, судя по всему, уже не будет. – Блуд виновато вздохнул, произнося слова медленно, словно по принуждению.

– Это тебе кухарка сказала? – Свенельд подошел вплотную к помощнику, пристально уставившись на макушку с за-

рождающейся плешью.

– Лошадь. – Блуд часто захлопал ресницами, стараясь посмотреть воеводе в глаза.

– Что? – не понял Свенельд.

– Лошадь не вернулась бы, если бы хозяин был жив.

– Ты чего бубнишь? – Воевода потерял смысл в многочисленных звуках «бу», произнесенных вполголоса.

– Лошадь. Она ведь хозяина не бросит. Это же не человек...

– Да понял я, уймись! – Свенельд перебил речь помощника, ставшую вдруг необычайно эмоциональной. – Ты хорошо знал этого разведчика?

– Это был Бакуня. Славный воин. Вы должны его помнить. Он...

– Я помню Бакуню! – Свенельд вновь повысил голос, воспринимая как оскорбление намек, что он плохо знает своих дружинников.

– Он не мог потерять лошадь. Боюсь, мы не увидим его живым, – продолжил Блуд.

– А ты не бойся! Лучше найди Бакуню. Если не живым, то мертвым.

– Марфа, кстати, тоже еще не вернулась. – Блуд произнес это как что-то несущественное, стоя вполоборота, собираясь уходить.

Свенельд остановил помощника жестом, переваривая последнюю новость.

– Ищи обоих. И приготовь-ка мне лошадь с сопровождением. Попробую кое-кого разговорить насчет Марфы.

Блуд внимательно всматривался в задумчивое лицо воеводы, словно пытаясь там найти ответы на заданные вопросы.

– Чего пялишься? – рявкнул Свенельд, опасаясь, что продемонстрировал подчиненному лишние эмоции.

Блуд, ничего не сказав, поспешно выскочил. Двери шумно хлопнули, приоткрывшись от удара.

Улыбка удовлетворения пробежала по лицу воеводы вслед за раздавшимися с улицы криками:

– Коня воеводе! Чего двигаемся, как сонные тараканы! Бегом, я сказал!

* * *

Везнич спал крепко и безмятежно.

Он лежал на спине, широко раскинув руки, голова съехала с подушки и неудобно наклонилась в сторону.

Марфе невольно представилось, что, когда оборотник проснется, его шея будет болеть.

За окном, несмотря на раннее утро, деловитые переговоры людей смешивались со стуком и скрипом.

Сквозь мутные пластинки слюды, вставленные в окно, различались фигуры собирающихся в дорогу постояльцев. Приоткрыв створку, девушка узнала одного из вчерашних

спутников, запрыгавшего лошадей, – Настасья и бородатый всадник исчезли.

События прошедшего дня всплыли в памяти...

Пылкая прощальная речь Везнича представлялась сегодня совсем по-другому. Боль от его слов, призывающих расстаться, смешивалась со страстью долгой разлуки и не позволяла понять смысл сказанного.

Марфа провела по руке оборотника, запоминая ощущение, вызываемое необычной бархатистостью кожи, чем-то похожей на кожу новорожденного жеребенка. Сейчас, когда страсть и жажда любви отступили после безумной ночи, сказанное Везничем казалось разумным и единственно правильным.

Мужчина мог себе позволить иметь несколько женщин, но ее поведение наносило оскорбление Святославу. Марфе не хотелось даже тайно унижать мужа, всегда остававшегося для нее другом. Это раздвоение в жизни съедало ее изнутри, не позволяя быть счастливой. За наслаждением, испытываемым от близости с Везничем, всегда стояла тень вины, придавая ярким краскам любви легкий оттенок грусти и отчаяния.

Умиротворение, излучаемое милым лицом сына, сияющим среди соломенных кудряшек волос, сменялось тревогой за то, что тайное станет явным. Внимание и любовь Ольги, принимавшей самое активное участие в том, чтобы ее сын был счастлив, воспринимались как незаслуженный дар и вы-

зывали чувство стыда.

Везнич видел это и, понимая, что Марфа не в силах сделать свой выбор в чью-либо сторону, принял решение за нее.

Девушка умыла лицо, стараясь не издавать лишних звуков. Поверхность воды в глубоком блюде отражала горечь, поселившуюся у нее в глазах.

Марфе вдруг стало жалко себя и тех чувств, которых она лишалась. Плотно прижав руки ко рту, девушка попыталась успокоить вырвавшиеся всхлипывания. На какое-то мгновение ей это удалось, но потом отчаянный звук плача прорвался сквозь плотно прижатые к губам пальцы и разорвал тишину, наполнявшую комнату.

Марфа выскочила за дверь, не успев посмотреть, проснулся от ее рыданий Везнич или нет, и, уже не сдерживаясь и ревя, как голодная корова, побежала к выходу.

* * *

Ощущение, что бог забыл о нем, преследовало Адальберта на протяжении последнего года.

Вот и сейчас, отчетливо выговаривая заученный текст молитвы негромким, но твердым голосом, архиепископ не чувствовал благодати, снисходящей на него, как было еще совсем недавно.

Сквозь узкое окно виднелось необычайно светлое, кажущееся божественно прозрачным утреннее небо.

Да, определенно, Господь оставил его, и Адальберт даже знал момент, когда это произошло. Небеса кричали, что это ошибка – принимать епископский сан и отправляться в землю ругов с просветительской миссией, но архиепископ Вильгельм, наговорив огромное количество комплиментов, убедил, что только он, Адальберт, сможет посеять в душах дикарей семена благочестия.

Милый сердцу тихий монастырь Сент-Максимин, где Бог общался с ним ежедневно, даря благодать своим присутствием в каждом предмете, вспоминался сейчас с болью и грустью. Он был счастлив, молясь в своей маленькой келье и возделывая грядки на монастырском огороде.

Власть, свалившаяся на голову Адальберту после таинственной и необъяснимой смерти Либутия, положенного высокопреосвященством Адальгадом в первые епископы ругов, раздавила его своей ответственностью.

Скромность и миролюбие, бывшие благом в монастыре, теперь сделались проклятьем новоиспеченного епископа.

Он постоянно ощущал на себе насмешливые взгляды людей, с неприкрытым любопытством разглядывавших монашеские одеяния, похожие, по их мнению, на женское платье. Еще больше насмешек вызывала его тонзура, первое время сияющая от своей чистоты, а сейчас напоминающая жидкими волосами заброшенную пашню с редкими всходами сорняков.

Все его призывы приобщаться к истинной вере заканчи-

вались насмешками, больно ранившими самолюбие.

Адальберт и сам чувствовал, что Бог исчез из его проповедей, по какой-то причине покинув своего верного слугу.

Епископ поднялся, растирая онемевшие суставы.

Небо молчало и сегодня, ответив на его молитву лишь затекшими ногами и стертymi коленями, слишком долго соприкасавшимися с досками пола.

Необходимо было идти на прием к Ольге. Растеряв надежду хоть как-то донести слово божье до упрямого народа, Адальберт еще сохранял слабые шансы повлиять на княгиню. Просила же она за чем-то Оттона прислать к ней епископа?

– Вода для умывания, ваше преосвященство. – Высокий голос отца Капара прервал размышления Адальберта, вернув в реальность.

Епископ посмотрел на излучающее радость лицо монаха, испытывая тайную зависть к способности своего слуги наслаждаться каждым моментом жизни, абсолютно не думая о прошедших горестях и предстоящих трудностях.

– Спасибо, отец Капар. – Адальберт принял тазик из рук услужливого помощника, взглядом выпроваживая слугу за дверь. – Дальше я сам.

Епископу не хотелось, чтобы монахи миссии узнали о его растерянности и унынии.

Капар попытался возразить:

– Мне не трудно, ваше преосвященство, – но, уловив недо-

вольство во взгляде епископа, поспешил извиниться, пятясь к выходу. Задержавшись на секунду в дверях, монах напомнил: – Братья в трапезной ожидают вашего благословения для приема пищи. Брат Левек приготовил отличную похлебку.

Адальберт укоризненно посмотрел на Капара, давая понять, что замечания подобного рода недопустимы в адрес начальства.

Монах улыбнулся, виновато потупил глаза и вышел за дверь, не понимая, чем мог обидеть епископа.

Адальберт провел увлажненными водой из тазика руками по лицу, прогоняя остатки сонливости.

Чувство зависти к детской наивности брата Капара вызвало приступ ностальгии по тем временам, когда безграничная вера во Всевышнего привела его из роскошного дворца Оттона в суровую келью монастыря. Доверие и любовь короля льстили молодому писарю, но жажда заслужить любовь Бога оказалась сильнее.

«Ну все, необходимо прекратить предаваться унынию и не гневить Всевышнего совершением грехов». – Подумав это, Адальберт распрямил плечи, глубоко вдохнул и, нацепив на лицо маску бодрого благочестия, направился в трапезную к монахам.

Запах копченостей, стоящий в воздухе тесной комнатушки, заполненной гулом переговаривающихся братьев, аппетитно щекотал ноздри.

Монахи мгновенно затихли, обнаружив присутствие Адальберта. Епископ занял свое место, посмотрел в тарелку, наполненную кашей из проса с редкими вкраплениями копченой свинины, затем поднял глаза к низкому темному потолку и произнес молитву, мысленно проклиная пищу, выглядевшую так, будто ее уже один раз ели.

В памяти всплывали шикарные обеды, которые могли себе позволить обитатели Сент-Максиминского монастыря в дни, не обремененные многочисленными постами.

Массивные деревянные балки над головой вызывали ностальгию по бескрайней выси потолков Трирского собора Святого Петра. Помещение, выделенное миссии Адальберта, свидетельствовало о не очень большом интересе княгини Ольги к его персоне.

Обнадеживающее упорство, с которым русские послы добивались назначения в Киев епископа, исчезло сразу после прибытия. Известие о коронации Оттона в императоры вызвало среди киевской верхушки вместо восхищения и уважения недоверие и сарказм. Здесь привыкли признавать лишь одного императора – царьградского басилевса.

Константинополь, узнав о намерениях папы включить Киев в сферу своего влияния, отправил туда его преосвященство отца Феофила, вспомнив, что он был рукоположен в епископы Руси еще Фотием.

Адальберт потерял смысл своего пребывания среди дикарей, да и вообще – смысл существования. Как человек, рож-

денный рабом, теряется в мире, неожиданно обнаружив, что господин исчез, так и епископ – будучи рабом Господа – не знал, что делать дальше, обнаружив полное безразличие господина.

Аппетит пропал окончательно, и Адальберт, бросив на стол ложку – с шумом прыгнувшую несколько раз, – неспешно поднялся с намерением отправиться на прием к княгине Ольге.

Времени до начала встречи оставалось еще предостаточно, и можно было насладиться прохладой раннего утра, прогулявшись по просыпающемуся городу.

* * *

Иегуда Бен Нисан обзирал широко раскрытыми глазами возникшую у его порога обширную делегацию сородичей.

Иаков без труда прочитал у него на лице растерянность, сменившуюся разочарованием, поспешно спрятанную под приветливую улыбку.

– Я рад видеть вас, дорогие единоверцы. – Иегуда быстро справился с первыми эмоциями, растягивая губы в широчайшей улыбке.

– И мы рады встретить в этих неприветливых краях сородича. – Иаков выделил интонацией слово «неприветливых», сразу давая понять, что у них проблемы.

Иегуда пропустил мимо ушей незатейливый намек на

необходимую помощь, но с поклоном пригласил прибывших в дом:

– Проходите, дорогие гости.

«Неплохо для начала», – отметил про себя Иаков и поспешил пройти в просторную комнату, выполнявшую роль прихожей. Его зад давно устал от седла, спина просила лежанки, а желудок – пищи.

На еду Иегуда не поскупился.

Стол ломился от яств. Откуда только все взялось за столь короткое время в такую раннюю пору.

Иаков разомлел от сытости и покоя, впадая в легкую дремоту, но понимая в глубине души, что теряет хватку, довольствуется малым и уже не претендует на большее. А ведь им была нужна существенная финансовая помощь, после того как пронырливая девица увела всю казну посольства.

Иегуда не тревожил гостей расспросами, пока те предавались трапезе и воздух был наполнен лишь причмокиванием, скрипом зубов, бряцанием посуды и другими стандартными звуками, характеризующими торопливое поглощение пищи.

Иаков наблюдал, как его спутники расслаблялись от сытости и сладких объятий неги, созданных домашним уютом и снующими вокруг них угодливыми рабынями.

Пора было приступать к главной части.

– Брат наш... – начал высокопарно Иаков. – Наша делегация следует из преславнейшего Кордовского халифата в страну достопочтенных хазар с письмом от славного Хасдая,

визиря светлейшего халифа Кордовы. С нами приключилась беда. Едва мы вступили на порог этого города, как нечестивая девица оставила нас без средств к существованию, и мы хотели бы обратиться к тебе за помощью.

– Чем же я могу помочь своим братьям? Ведь я столь мелок и жалок по сравнению с теми особами, которых они представляют. – Иегуда попытался не понять столь однозначный намек.

– Не будем предаваться никчемной лести, – Иаков пресек ненужные словопрения, понимая, что его хитрый соотечественник может часами морочить голову. – Нам нужны деньги. Точнее – сто солидов. Я думаю, этого хватит, чтобы достичь Итиля в кратчайший срок.

Иегуда растерялся от прямого, как кол, намека. Ему их разговор представлялся долгим и нудным, в процессе которого можно было нащупать слабые места собеседника, польстить ему, перевести разговор на другую тему и избежать лишних трат.

– Это очень большая сумма для бедного еврея. Это целое стадо коров или табун лошадей. Такая сумма разорит вашего покорного слугу.

– Такая сумма была в украденном кошельке. Путь до Итиля не близок: нужен запас продовольствия, нужна охрана, сменные лошади, кое-какая одежда, наконец. – Иаков был непреклонен и ужасно недипломатичен.

Он сам себе не нравился, но тратить силы на тонкую сло-

весную игру не хотелось. Последний довод должен был положить конец прениям:

– Разорят тебя, Иегуда, не сто солидов, а слухи, что ты не помогаешь братьям по вере, которые исключат тебя и твою семью навеки из братства рахдонитов.

Эта угроза и правда была весомой.

Братство еврейских купцов-рахдонитов контролировало все основные торговые пути и рынки мира. Попасть в немилость к братству означало прекратить торговую деятельность и точно разориться.

Но на лице Иегуды было написано упрямое: «Денег нет!»

– У меня есть другое предложение. – Мозги Иегуды лихорадочно работали, рождая грандиозный план. – Я полностью обеспечу вас питанием до места назначения. Предоставлю сменных лошадей, которых вы мне вернете по возвращении. Организую прием у княгини Ольги и выпрошу для вас в сопровождение дружинников, которые обеспечат вашу безопасность. Кроме того, я выделю вам десять солидов безвозмездно. А вы расскажете братьям-рахдонитам о моей безмерной щедрости.

Иаков нахмурился, понимая, что получается не так, как он хотел, но вариант был приемлемым, и упорствовать не было смысла. Сопровождение из дружинников стоило намного дороже ста солидов. Смушала только реальность данного предложения.

– С чего бы это великой княгине оказывать помощь еврей-

ским купцам? – Иаков недоверчиво смотрел на главу торговой общины.

– За время правления княгини Ольги много поменялось в государстве русов. Ольга прекратила беспредел воевод и князей, обиравших своих подданных, как им хотелось. Установила твердые налоги и сроки их сборов посредством создания погостов. За это простой народ любит ее. Она наладила мирные взаимоотношения практически со всеми соседями. Это позволило расцвести торговле в Киеве. Город процветает. Она рада любым партнерским отношениям с Хазарией и окажет помощь, чтобы получить преференции в торговле. Хазары в Итиле контролируют основной торговый путь в Каспий, а оттуда – на восток, в Балх и Мавераннахр, вплоть до Китая. Мы пообещаем ей снижения платы за провоз товаров через Итиль для русских купцов и благосклонность хазарского бека. Ольга дальновидная правительница и понимает выгоду, которую может принести ее помощь в вашем деле.

– А ты уверен, что бек Хазарии Иосиф предоставит для русских купцов дополнительные льготы? – Иаков прищурил глаза, пытаясь понять, насколько влиятелен этот невзрачный еврей из Киева, что может заранее обещать определенные решения князей и беков.

– Это будет зависеть от тебя, мой дорогой Иаков. – Иегуда изобразил улыбку, больше похожую на гримасу боли. – Вернее, от ценности письма, которое ты везешь Иосифу, от то-

го, насколько убедительно ты сможешь рассказать о неоценимой помощи дружинников Ольги в твоём сложном и полном опасностей походе.

Иаков оценил ловкость, с которой Иегуда переложил на него решение всех проблем. Как говорится, с больной головы – обратно на больную голову. Он понимал, что вся работа Иегуды сведется к организации его встречи с Ольгой, а дальше...

Иакову самому придется с ней договариваться о помощи, обещая сладкие условия торговли, а потом эти сладкие условия выпрашивать у Иосифа.

– Если ничего не выйдет... – Иегуда поспешил продолжить, видя сомнения Иакова, – то все можно списать на своенравный характер бека.

Иаков согласно кивнул головой, понимая, что лучшего варианта у него нет, а главное – не будет.

– Вот и ладненько, – засуетился Иегуда. – Я отдам все необходимые распоряжения, а вы отдохните с дороги. Слуги помогут вам устроиться.

Невзрачный остроносый еврей с небольшим аппетитным животиком направился к выходу. Было видно, что он расшибется в лепешку, но все организует, лишь бы поскорее избавиться от ежедневно истощающих его кошелек непрошенных гостей.

Свенельд смачно плюнул. Удовлетворение от плевка, вызывающе шлепнувшегося на идеально чистый пол терема Ольги, ослабило злость. Он не мог понять княгиню, утопившую за короткий срок суровый варяжский быт своих предков в жалком подобии византийской роскоши.

– Как ты до сих пор не сдох от этой вони? – Свенельд с сочувствием посмотрел на стражника, лениво привалившегося к стене у входа. Круглолицый парень непонимающе пожал плечами, изобразив на лице некое подобие сожаления.

– Не замечаешь? – Свенельд с шумом втянул ноздрями воздух, наполненный дурманом женских запахов.

Стражник молчал, не уловив смысла вопроса.

– Принюхался, – констатировал воевода, махнув с досадой рукой.

По коридору время от времени проходили служанки, неспешно и вальяжно, заполняя помещение звуками сонных голосов и шуршанием платьев.

– Подойди сюда, – Свенельд грозно сдвинул брови и поманил пальцем проходящую рядом девушку. Служанка неохотно приблизилась, не скрывая раздражения.

– Что-то не так? – Воевода коснулся длинным ногтем щеки служанки, вспыхнувшей огнем румянца.

– Я к вашим услугам. – Девушка пристально посмотрела

в лицо Свенельду. Большие темные глаза излучали спокойствие и уверенность.

– Как тебя зовут? – Свенельд не выдержал прямого взгляда и начал злиться.

– Будана. – Служанка провела рукой по бедру, поправляя платье, затем бестелесным прикосновением задела тыльную сторону ладони воеводы.

Свенельд вспомнил эту девицу, имеющую репутацию роковой красотки, вскружившей голову множеству мужчин. Правда, ни один из них не мог похвастаться своей победой над ней.

– Да. Я вспомнил тебя. – В памяти Свенельда всплыли слухи о том, что эта девушка равнодушна к молодому князю.

Будана демонстративно смутилась, опуская глаза.

– Я польщена, что такой известный человек слышал обо мне. Надеюсь, только хорошее.

– А что, могу услышать и плохое? – Воевода поддел пальцем подбородок Буданы, взглядываясь в спокойное лицо. Он тщетно пытался разглядеть хотя бы слабый намек на страх или волнение.

– Смотря кого слушаете. – Будана мягко отстранила руку воеводы, но не опустила головы.

– Я слушаю всех. Сейчас хочу послушать тебя.

Девушка сосредоточенно наморщила лоб и неожиданно спросила:

– Вы, верно, хотите знать, славный воевода, о том, что произошло сегодня ночью?

Свенельд растерялся от прямого вопроса, но в глубине души был рад такому повороту событий. «Эту девушку нужно будет приблизить к себе». Смелость, смешанная с привлекательно-коварным обаянием, выглядела многообещающе.

– Я восхищен твоей проницательностью. – Свенельд попытался сделать, насколько это было возможно, восторженное лицо.

Будана почему-то облизнулась, словно хищная кошка, и вопросительно уставилась ему в глаза.

Воевода молчал, всем видом демонстрируя, что готов слушать.

Во взгляде служанки промелькнула тень сомнения, но исчезла с первым словом:

– Марфа не ночевала во дворце и до сих пор не вернулась.

– Ах она тварь! – воевода притворно возмутился, не скрывая иронии. – Я это знаю! – Звук металла наполнил его голос, оборвав начавшую возникать в разговоре непринужденность. – Меня интересует, с кем она встречалась!

– К сожалению, это мне неизвестно, но очень хотелось бы узнать... – Будана вслед за воеводой согнала с лица улыбку.

– Кто может это знать? – Свенельд был готов запытать до смерти любого, чтобы добраться до истины.

– Я думаю, только она сама. – На лице Буданы как в зеркале отразилась свирепость воеводы.

– Ты можешь у нее выведать? – Свенельд понимал сомнительность данного предложения, спрашивая просто так, на всякий случай.

– Мне она ничего не скажет. Не в таких мы хороших отношениях, но... – Будана интригуяще улыбнулась воеводе.

– Что «но»? Не томи, ведьма. – Последнее слово Свенельд произнес машинально, не задумываясь, спохватившись, что оскорбил девушку и не получит желаемого.

Будана многозначительно улыбнулась, выдержала паузу и наконец нехотя выдавила из себя:

– Марфа расскажет все княгине, а княгиня поделится со мной.

– С чего бы Марфе это делать? – не понял Свенельд.

– Марфа слишком честная. Нужно просто, чтобы Ольга задала ей правильные вопросы. – Будана озорно подмигнула.

– И ты сможешь это организовать? – машинально спросил Свенельд, начиная поддаваться обаянию собеседницы.

– Не сомневайтесь, красиво рассказанная история породит массу вопросов. – Будана погладила руку воеводы.

Свенельд отвернул лицо, чувствуя, как горят щеки от невольно прилившей крови.

* * *

Феофил с удовольствием смотрел на молочно-белые ноги Апраксии, виднеющиеся из-под высоко поднятой юбки, ме-

шающей девушке мыть пол. Шелковистая борода, приятно отзывающаяся на легкие поглаживания, усиливала чувство вождения.

Неожиданное появление в дверном проеме Ольмы – хозяйина дома и отца Апраксии – заставило вздрогнуть разомлевшего священника.

Феофил, почувствовав себя застигнутым врасплох, поспешил отвести взгляд от соблазнительно виляющего зада девушки и сосредоточился на висящих в углу образах, крестясь и мысленно прося у Бога прощения. Ему не хотелось обижать Ольму – благочестивого христианина, построившего за свои средства небольшую церковь, названную в честь Николая Угодника. Будучи купцом, Ольма питал к этому святому, являющемуся покровителем торговли, особое пристрастие.

– Лошади поданы, батюшка. – Ольма хоть и перехватил взгляд священника, но постарался тактично не заметить греховных чувств, разурмянивших лицо епископа.

Феофилу было неприятно, что его называют не по сану – «ваше преосвященство», а как простого приходского священника – «батюшка». Он подавил в себе желание поправить купца, понимая, что неискушенные в церковной иерархии русы еще долго будут путаться в обращениях, являющихся естественными для жителей Константинополя.

Поспешность, с которой патриарх Полиевкт вспомнил, что Феофилу назначен сан епископа Киевского, была оправ-

дана настойчивостью, демонстрируемой Римом, с невероятной стремительностью расширявшим свою сферу влияния. Должность киевского патриарха, когда-то утвержденная Фотием, тщетно пытавшимся окрестить неуступчивых русов, совсем не обременяла Феофила до тех пор, пока ему разрешалось иметь резиденцию в Константинополе. Решение Полиевкта сблизить духовного отца киевлян с паствой было неожиданным и неприятным.

Феофил махнул рукой Ольме, давая понять, что расслышал его, и разложил перед собой листы письма, недавно полученного из Константинополя. Ровные буквы с затейливыми завитками вызывали благоговейное уважение к писцу, запечатлевшему на бумаге мысли патриарха.

Небольшие окна, светлыми пятнами выделявшиеся на темной бревенчатой стене, давали мало света. Феофилу приходилось напрягать зрение, стремительно портившееся в последние годы. Совсем не обязательные усилия, предпринимаемые для прочтения письма, усугубляли чувство раздражения, необъяснимым образом возникающее каждое утро.

– Позови Федора, будь добр. – Феофилу не хотелось казаться в глазах Ольмы господином.

Чужестранцы на Руси воспринимались либо как уважаемые гости, либо как заклятые враги, но не как господа, и любая попытка вести себя по-господски вызывала отторжение.

– Хорошо, батюшка. – Ольма учтиво поклонился, пытаясь сделать приятно гостю.

Федор, крещеный варяг, находящийся на службе у византийского престола, доставил письмо, лежащее перед архиепископом, и Феофилу казалось естественным, чтобы гонец сам прочитал написанное, избавив его от ненужной траты сил. Кроме того, Федор мог знать нюансы, скрытые за ровными сухими строчками.

Федор выглядел вполне цивилизованно, хотя и происходил из варяжского рода. Продолжительная служба при дворе константинопольского монарха наложила отпечаток благородства на нескладные манеры дикаря. Глубокий поклон и почтительное «ваше преосвященство», сопровождавшие приветствие, произнесенное с порога, не вызывали сомнений в том, что перед тобой подданный великой империи.

– Прочитай, сделай одолжение, – Феофил протянул варягу листок. – А то глаза подводят.

Федор начал читать казенные строки, легко выговаривая слова на удивление поставленным голосом, выдававшим талант незаурядного оратора.

В письме содержался краткий анализ ситуации, возникшей в связи с последними событиями в Италии.

Константинопольские власти, судя по всему, были озабочены происходящим в Риме. Король Саксонии Оттон, коронованный в императоры загнанным в угол постоянными смутами Иоанном XII в обмен на защиту, провозгласил создание империи римлян и франков, следуя примеру Карла Великого.

Полувековое правление пап – предпочитавших духовному совершенствованию мирские удовольствия – подходило к концу.

Бесчинства, творимые Иоанном XII и сводившие авторитет папства к нулю, прекращались властью, полученной Оттоном. Это ясно осознавалось в Константинополе.

Упорство и целеустремленность новоиспеченного императора внушали уважение. Эти качества также вызывали опасения получить серьезного конкурента в борьбе за души христиан и влияние в мире, что являлось, по сути, одним и тем же.

Саксонский король, сделавший из германского епископства мощный инструмент власти и распространения своего влияния, вполне был способен пошатнуть позиции Ромейской империи в Европе.

За сухими строчками, характеризующими политическую ситуацию, прослеживалось беспокойство константинопольских властей, но не это вызвало тревогу у Феофила.

Подпись, стоящая внизу послания и смачно произнесенная Федором, как эхо отдавалась в голове – Иосиф Вринга. Иосиф Вринга... Послание было подписано паракимоменом Иосифом Врингой, а это значило, что ни император Роман, ни тем более его жена Феофания не решали в Константинополе ничего.

– Это все, – произнес Федор после долгой паузы, расценив задумчивость епископа как ожидание продолжения.

– Да, спасибо, – машинально ответил Феофил. – Скажи-ка мне лучше, милейший, как там наш император Роман поживает? Когда я отъезжал, Константинополь полнился слухами, что это он помог своему отцу Порфирородному Константину встретиться со Всевышним.

– Наверяд ли... – Федор переминался с ноги на ногу у входа, не решаясь пройти в комнату.

Полумрак, царивший в каморке, громко именуемой Ольмой светлицей, мешал епископу видеть в деталях лицо собеседника, и это лишало слова варяга эмоциональной окраски, порою повествующей больше слов.

– Проходи, присядь, поясни подробнее, – Феофил похлопал по отполированной поверхности лавки.

– Роман скорее проиграл от смерти своего отца. Он всегда был беззаботным и непослушным ребенком, избалованным Константином и безмерно любимым. Отец ему позволял очень много и все прощал. Чего стоила одна только женитьба на дочери трактирщика с репутацией портовой шлюшки.

– Да-да, эта история вызвала бурю негодования среди близких к трону людей. Помнится, тогда больше всех бесился Василий Ноф, будучи паракимоменом.

– За что и поплатился сейчас. Вринга ловко использовал этот факт, без труда убедив Романа, что нужно отстранить Василия, а взамен назначить его.

– Как ни крути, а больше всех от смерти Константина вы-

играл Вринга. Зная его неумемную тягу к власти и слабость Романа, я думаю, смерть Константина – не последняя в императорском роду. – Феофил высказал довольно крамольное предположение без особой боязни – варяг не входил в число доносчиков.

Федор пожал плечами.

Феофил не обнаружил в его лице ни подтверждения, ни опровержения своей догадки. Варяг был далек от дворцовых интриг.

Простых людей в империи мало заботили меняющиеся правители, поскольку жизнь дворца не особенно сказывалась на протекавших в государстве процессах, регламентированных тысячами правил, выработанных веками совершенствующейся чиновничьей машиной.

– Чем занят император? Как его жена и дети? – Феофил перевел разговор на более близкие варягу бытовые темы.

– Роман, как обычно, безмерно увлечен охотой и кутежами, собрав вокруг себя всю беспутную молодежь Константинополя, утверждая, что ему грозит смертельная опасность, а это – его охрана. Размах увлечений такой, как будто каждое из них – последнее в его жизни. Императрицу Феофанию мало видно. Она посвятила себя сыновьям. Собственно говоря, ее беременность не располагает к активной жизни, которую она вела еще совсем недавно.

– Получается, что власть Иосифа Вринги ограничена только формальным постом паракимомена. Предполагаю,

что этот пафлагонский выскочка мечтает его сменить на титул императора.

– Да, в ваших словах есть правда. – Федор несколько замялся, вынужденный давать оценку действиям властей. – Вринга одержим преследованием всех, кто был приближен к Константину. Пожалуй, это его основная государственная деятельность.

– Мне кажется, что патриарх принял неверное решение, отправив меня в Киев. Опасность, существующая в Константинополе, намного выше, чем те неприятности, которые могут возникнуть в связи с пребыванием здесь Адальберта и его монашеской свиты. Хотя я и не поклонник выходцев из Македонской династии, пришедшей к власти путем царевубийства, но не хотелось бы потерять достигнутое Константином. Истинный правитель – всегда собиратель, его труд направлен на созидание и преумножение. Мы все помним, к чему привели бесконечные смены регентов при живом императоре во времена малолетства Константина. Натура Вринги, склонная к интригам и разрушениям, ослабит империю, только-только выбирающуюся из череды потерь. Он способен действовать исключительно в своих интересах.

– На все воля Господа, – подвел итог Федор.

Феофил поморщился, внутренне не находя повода для упрека варяга, посвятившего себя служению Христу и не желающего понимать смысл высокой политики. Легкое чувство зависти шевельнулось в глубине души.

– Я рад за тебя, – произнес Феофил, пристально глядя в глаза Федору и с удовольствием наблюдая растущее в них недоумение.

– Почему? – Федор отвел взгляд.

– Не важно... Организуй мне встречу с Адальбертом.

Пора пообщаться с конкурентом воочию. Может, удастся нащупать ту нить, которая позволит быстро решить проблему или понять, что проблемы не существует.

* * *

Будана постучала в дверь княгини. Толстые доски ответили гулом, уносящимся в покои Ольги. Не дождавшись приглашения, служанка толкнула массивную створку, заходя внутрь.

Ольга в длинной сорочке из тонкого византийского полотна стояла у открытого окна, устремив взгляд на город. Сквозняк, вызванный распахнутой дверью, подхватил полы невесомой ткани, сделав их похожими на крылья. Что-то звериное чувствовалось в худом теле, проступившем сквозь легкую одежду. словно хищная птица обозревала свою территорию, выискивая очередную жертву.

– А, Будана, ты вовремя, пора собираться. Дела не ждут. – Княгиня бросила беглый взгляд на служанку и вновь посмотрела в окно.

– Как почивать изволили? – Будана несколько раз глубоко

вздохнула, пытаясь унять волнение, оставшееся после беседы со Свенельдом.

– Подойди сюда. – Княгиня поманила служанку к себе. Она положила ей руку на плечо, указывая на вид за окном. – Посмотри, какая красота.

Лучи восходящего солнца золотили свежие срубы домов горожан, обильно возникших за последние годы бурного процветания.

– Да, – согласилась девушка. – Все благодаря вашей мудрости.

Княгиня с легкой укоризной глянула на служанку.

– Не в мудрости дело. А в понимании того, что людям надо. Все очень просто. Снижение налогов и чувство защищенности – вот что влечет в Киев активных людей. Возможность сытно и спокойно жить, трудиться и добиваться успехов. Их деятельность позволяет содержать не только мощную дружину, но и способствовать занятости самых никчемных людей, снижая преступность и беспредел.

– Я ничего в этом не понимаю, госпожа. Я знаю одно: до вашего правления были сплошные войны и грабежи.

Княгиня отпустила служанку и отошла от окна. Будана не видела ее лица, но в еле уловимых интонациях голоса почувствовала раздражение.

– Жизнь нас учит. Вот и меня смерть мужа, убитого при сборе полюдя, научила не брать сколько хочешь и когда хочешь, а делать все по закону. Правда, князя и воеводы не

очень этому рады. Привыкли обирать своих подданных.

– Да уж, – поддакнула Будана. – Этим только дай волю. Они всех в рабство загонят.

– Ну уж ты всех-то под одну гребенку не ровняй, – княгиня строго посмотрела на служанку. – Не все так плохо. Приучились они, хоть и не без труда, подати-уроки брать в установленное время и в установленном размере. Княжеские погосты – хороший пример всем воеводам.

– Конечно, матушка, конечно, – поспешно согласилась Будана.

– Да что ты все соглашаешься! С тобой заботами делиться, как с лавкой. Опять все не так просто. Тиуны, назначенные уроки собирать, бездельничают и подворовывают.

– Так порите их, матушка, порите почаще.

– Ну тебя, бестолковую. Давай уже, чеши волосы. – Ольга села на табурет перед зеркалом. – Видел бы Игорь эту красоту. – Гордость и сожаление прозвучали в ее голосе. Княгиня перекрестилась, повернув голову к висевшим в углу иконам, привезенным из Константинополя.

Будана почтительно склонилась, украдкой глянув на грозное лицо, намалеванное на деревянной доске. Она не была христианкой, но всегда с уважением относилась к непонятной ей страсти Ольги в поклонении заморскому богу.

– Ваш Бог любит вас и во всем помогает.

Ольга благодарно улыбнулась комплименту.

– Для меня нет большего счастья, чем увидеть Русь в Хри-

стовой вере. Видела бы ты, Буданушка, Царьград. Невероятно, как христианство может преобразить страну, неся культуру, искусство, образование.

Волосы Ольги струились под костяным гребнем в руках Буданы, напоминая тонкие волокна льна.

– Вера во Христа делает людей лучше, миролюбивей, порядочней, честней. Она превращает зверей, жаждущих крови, в старательных тружеников. Жаль, что ты не осознаешь все величие единого Бога.

– Мне нравится ваш Бог, но я как-нибудь со своими Иштенном и Эрдегумой проживу. Мой отец молился Хадуру каждый раз, уходя на войну, и благодаря этому возвращался домой. Мать ублажала подарками тундереков, чтобы они даровали пищу, и мы не умирали с голода. Мои боги ни разу не подвели меня. Я не могу их предать.

– Всему свое время. – Ольга произнесла эти слова спокойно, но с уверенностью, что придет такое время, когда Будана полюбит Христа.

– Ваш Бог разрешает замужней женщине иметь других мужчин? – Будана попыталась перевести разговор на нужную ей тему.

– А почему ты спрашиваешь? Неужели собралась замуж? – шутливо спросила Ольга.

– О, нет-нет, упасите меня боги от обузы в виде ленивого мужчины, которому вечно нужна служанка. Мне достаточно моей госпожи. – Будана была искренна, как никогда. В ее

планы не входило обзаводиться семьей.

– Тогда к чему этот интерес? – Ольга остановила руку служанки, ее глаза смотрели настороженно.

– Мне неудобно вам говорить, чтобы не выглядеть наущницей... – Будана картинно замялась.

– Ничего, говори. Твоя многолетняя преданность и искренность снимают с тебя любые подозрения. – В голосе княгини появился металл.

– Я случайно видела, как Марфа ночью покинула стены дворца верхом на лошади. – Будана говорила медленно, одновременно наблюдая за реакцией княгини, чтобы правильно дозировать предоставляемую информацию.

– Это, конечно, странный поступок, но какое отношение он имеет к посторонним мужчинам? – Ольга начала нервничать.

– По мне, так нет другого повода для ночной поездки, как мужчина. – Будана не могла рассказать о том, что видел Каницар, но должна была посеять в душе княгини недоверие.

– Совсем необязательно. Может быть множество других причин, я постараюсь все выяснить и обязательно развею твои подозрения. – Княгиня явно не хотела верить очевидному.

Будана понимала, что оправдаться Марфе не составит труда, поскольку Ольга сама уже ее оправдала.

Утренний туалет княгини подошел к концу.

– Я уверена, что Марфы до сих пор нет во дворце. – Си-

туаацию необходимо было форсировать, пока у княгини не прошло раздражение на поведение невестки.

– Хорошо, я зайду к ней, заодно и позову на завтрак.
Ольга отстранила служанку и направилась к выходу.

* * *

Будана выглянула из-за плеча Ольги, с волнением всматриваясь в пустоту комнаты. Марфы в покоях не было. Ольга, шагнув через порог, пристально осмотрелась по сторонам. Этот взгляд показался Будане нелепым. Девушка еле сдержала смех, представляя, как обнаружится Марфа, случайно затерявшаяся в углу небольшой комнатки. Княгиня гневно нахмурила лоб, и служанка поспешила удалиться, понимая, что разгорающийся в глазах Ольги огонь может обрушиться на нее.

– Не буду мешать. – Будана не стала дожидаться ответа и, гулко топя по деревянному полу коридора, поспешила прочь.

«Найти Марфу. Найти Марфу», – ритмично отдавалось в голове в такт перестуку каблуков.

«Поездка. Лошадь. Конюшня», – выстраивались в логическую цепочку слова, направляя в нужное место.

«Признание. Чувство вины. Угрызения совести. Тайное становится явным. Прощение. Раскаяние», – набор эмоций, слов, действий, складывающихся в речь, предназначенную

для ушей Марфы.

– А-а-а! Ты кто? – выпалила Будана, вздрогнув от неожиданного появления конюха.

– Так это же я, Добрыня. – Конюх развел руки в стороны, словно собираясь обнять девушку.

– Тьфу на тебя, Добрыня! – Будана глубоко вздохнула, приходя в себя от испуга. – Марфа не возвращалась? Ее княгиня ищет.

Добрыня прищурился, въедливо рассматривая девушку:

– А ты как знаешь, что она уехала?

– Хватит так на меня смотреть. – Будана придала голосу максимальную непринужденность. – В нашем тереме все про всех знают. Говори, не томи.

Добрыня смутился от излишне проявленной подозрительности.

– Только что приехала. Ты через ворота вошла, а Марфа через дверь вышла. А зачем ее княгиня-то ищет?

Будана не обратила внимания на последние слова, бросаясь к невысокой дверце, ведущей в подсобное помещение терема, соединяющееся с комнатами слуг.

Заметив усмешки парней, несущих на кухню корзины с овощами, Будана зло посмотрела в их сторону. Убедившись, что улыбки исчезли, она, высоко подобрав подол платья, побежала, сверкая голыми лодыжками.

Дверь сменяла дверь. Поворот менялся поворотом, все сокращая расстояние до покоев Марфы и время до ее встречи

с Ольгой.

– Княгиня! Княгиня! – Будана не стесняясь прокричала в спину Марфе. Вздох облегчения вклинился в сбивчивое дыхание при виде поворота Марфы, среагировавшей на крик.

Удивление, вспыхнувшее в глазах Марфы, придало лицу, обрамленному растрепанными волосами, нелепое выражение.

– Здравствуйте, княгинюшка Марфа. – Будана постаралась улыбнуться, сдерживая сбивчивое дыхание.

– Здравствуй, Будана. – Марфа сдвинула брови, образовавшие зловещую морщинку на лбу.

– Матушка-княгиня ожидает в ваших покоях... – Будана замялась, опуская глаза в пол.

– И что? – Марфа повысила голос.

– Мне кажется, вас ждет неприятный разговор.

– Рассказывай, не томи, коль уж начала. – Марфа злилась и не скрывала этого.

– Ночью за вами проследили люди княгини. Они доложили ей, что вы встречались с каким-то мужчиной.

Марфа побледнела.

– Вам лучше во всем сознаться и раскаяться, тогда, может быть, гнев Ольги смягчится. – Будана нагнетала обстановку, видя, как меняется лицо Марфы, выдавая смятение и растерянность.

– Бред все это! – выпалила Марфа. – Не суй свой нос, куда не просят!

– Простите, если что не так. – Будана смиренно опустила голову. – Я хотела как лучше.

– Слухи распускать будешь – заporю до смерти.

Не поднимая головы, Марфа повернулась, направляясь в свои покои, напоминая осанкой дружинника перед боем.

* * *

Лицо Ольги казалось темным пятном на фоне окна. Марфа прищурилась, вглядываясь в еле различимые черты. Возникло ощущение нереальности происходящего, подчеркнутое зловещей тишиной.

Княгиня молчала. Марфа отчетливо слышала удары своего сердца, монотонные и вязкие, отдающие эхом в голове.

– Молчать долго будешь? – негромкий, но наполненный гневом голос Ольги заставил Марфу вздрогнуть. Совершенно лишними казались эти слова, разорвавшие тишину и хороводом закружившиеся в мозгу.

Рот не открывался, и язык не поворачивался. В голову не приходило то слово, с которого должна начаться ее речь. Девушка глубоко вздохнула, сосредоточившись на пятнах грязи, прилипших к подолу.

– Скажи что-нибудь. – Интонация Ольги стала мягче. Марфа различила легкий испуг, скорее угаданный, чем услышанный.

– Прости меня, матушка-княгиня. – Слова звучали тихо,

почти шепотом, забирая у девушки последние силы. Слабость подогнула колени, вызывая непреодолимое желание упасть на пол и молить о прощении. Осознание ужаса совершенного давило на плечи, все больше пригибая к земле.

– Где ты была? – Голос Ольги звучал далеко и еле различимо.

Марфа медленно опустилась на колени, задавленная стыдом.

– Я встречалась с мужчиной, – наконец-то нашлись подходящие слова. Девушка закрыла глаза, чувствуя облегчение. Вокруг потемнело, и она повалилась на пол, погружаясь в эту темноту.

Удары ладоней обожгли щеки, отозвавшись тупой болью в затылке. Марфа открыла глаза. Ольга сидела рядом с ней на полу, аккуратно поддерживая ее голову. В лице княгини не было гнева, лишь озабоченность и беспокойство. Марфа уткнулась Ольге в грудь, пряча в складках ткани невыносимый стыд. Она плакала, задыхаясь и всхлипывая, переполненная нестерпимым желанием открыться.

Слова полились бесконечным потоком. Сбивчивые и бессвязные, они постепенно выстраивались в историю любви. Слезы не останавливались, обжигая уголки дрожащих губ.

Камень лжи и предательства, который она носила последние годы, свалился с души.

Марфа столько таилась и пряталась, что сейчас рассказывала все с неистовством, ничего не пытаясь утаить.

С каждой фразой приходило облегчение. Она как будто перекладывала всю тяжесть ответственности на Ольгу. Каждой новой подробностью, рассказанной княгине, она как будто говорила: «Я такая, тебе решать, что со мной делать...» Ей уже не нужно было думать о том, что будет в результате порочной любви, – все уже случилось.

Марфа оборвала рассказ неожиданно, на полуслове.

Слезы закончились, и вместе с ними закончились слова. Только припухшие губы еще дрожали, влажные от соленой влаги.

Она чувствовала себя опустошенной и уставшей. Голова гудела, а тело ослабло.

Ольга встала, сурово глядя сверху вниз на сидящую без сил Марфу.

– Мне надо идти, но наш разговор не окончен.

Княгиня стояла над девушкой с каменным лицом, в котором застыла растерянность.

Марфа украдкой глянула вверх, не понимая, что ее ждет.

– Отдыхай, а то ты утомилась сегодня ночью... – Ольга становилась собой. Властной и бескомпромиссной. Марфа поежилась, обхватив себя за плечи и понимая, что, возможно, худшее впереди.

Ольга, остановившись в дверях, еще раз посмотрела на подавленную невестку и стремительно вышла.

– Быстро ешьте и проваливайте! – Обвисшие щеки Лукерьи подрагивали от раздражения, делавшего ее голос визгливым.

Поварихе было безразлично, какую степень близости к княгине имеют завтракающие на кухне слуги. В этом помещении командовал только один начальник, чьи права повелевать не оспаривались никем.

Будана вздрогнула, выходя из состояния блаженной задумчивости. Она с наслаждением прокручивала в голове блестяще организованный позор Марфы, рисуя драматичный финал в своих фантазиях. Повариха вернула ее на землю, за большущий стол с сидящими вокруг слугами. Монотонно двигающиеся челюсти и раскрасневшиеся лица казались менее реальными, чем мечты об устранении соперницы. Окрик Лукерьи вызвал замешательство, трансформировавшееся в ускоренное пережевывание пищи. На лбу Ерофея, отвечавшего за чистоту двора, проступили капли пота.

Будану подмывало выкрикнуть что-нибудь дерзкое в ответ, но, оценив десятипудовую фигуру поварихи, не уступающую ростом самым дородным дружинникам, княжеская фаворитка сдержалась.

Будана демонстративно потянулась, громко зевнув, показывая всем видом свое полное пренебрежение к командам

поварихи.

Окинув беглым взглядом, исполненным превосходства, оробевшую челядь, Будана невольно поджала губы, увидев полную отрешенность и загадочную улыбку на лице Малуши. Девчонка никак не реагировала на грозный окрик хозяйки кухни, и это невольно ставило ее в один ряд с Буданой. В памяти всплыла ночная встреча со Святославом, украдкой нырнувшим за дверь Малуши. Фантазии рушились, рассыпаясь в прах при виде еще одной соперницы.

– О чем мечтаешь, Малка? – Будана сократила имя девушки до оскорбительной клички, ожидая какой-нибудь реакции.

Малуша безразлично взглянула в ее сторону, не меняя выражения лица.

– Не болтать! – Рука Лукерьи взмыла с намерением ответить оплеуху.

Будана встала, пристально посмотрела в глаза поварихе и удовлетворенно улыбнулась, проследив за медленно опускающейся широкой ладонью, поспешно засунутой в бездонный карман передника.

Неторопливо, наслаждаясь взглядами челяди, прикованными к ее персоне, Будана подняла кружку с киселем и тонкой струйкой, смакуя получаемое удовольствие, вылила на голову Малуши.

Крик, плач, ругательства, уместные в этой ситуации, к полному разочарованию Буданы, не возникли. Наоборот, по-

мещение наполнилось вязкой тишиной, физически давящей на все тело.

– Ой! – картинно произнесла Будана, роняя на стол кружку, которая глухо ударилась в выскобленные до белизны доски.

Малуша молча смотрела на нее, не проявляя и тени смятения или испуга.

В ее глазах читалась какая-то брезгливая жалость к Будане, смешавшаяся с угрозой, которую нельзя было проигнорировать.

– Ты знаешь за что, – бросила через плечо Будана, покидая кухню.

Глава 3

Монотонный гул заполнил пространство тронного зала, создавая ощущение напряженного ожидания. Ольга отрешенно смотрела на пустующее место Святослава, мысленно продолжая диалог с Марфой.

– Может, начнем? – Леонтий нервно щипнул кончик гусиного пера, предназначенного для записи важнейших решений. К бороде священника прилипли крошки, выдавая излишнюю торопливость во время завтрака.

Ольга поднесла руку к своему лицу, указывая писарю на неаккуратность во внешнем виде. Леонтий, поняв знаки, смутился, поспешно разглаживая ровно подстриженную бороду. Служба в Византийской епархии приучила его выглядеть безукоризненно. За эту аккуратность и педантичность Ольга наняла священника в личные секретари.

Гудение усиливалось, свидетельствуя о зреющем недовольстве среди членов совета возникшей паузой.

Ольга вновь посмотрела на пустующее место князя и, гася разгорающийся гнев, подняла вверх руку. Гул смолк, сменившись пронзительной тишиной, прерванной глухим покашливанием Годоты.

Леонтий несколько раз звонко цокнул заточенным концом пера о дно пузырька с чернилами.

– Начинайте. – Княгиня опустила руку, досадно вздохнув.

Годота, глухо кашлянув в кулак, поднялся с лавки, поразая болезненной худобой и необычно высоким ростом.

Ольга удовлетворенно кивнула, готовая слушать главного распорядителя дворца.

Узкое длинное лицо боярина слегка округлилось от осветившей его улыбки.

– Разрешите говорить, княгиня? – Годота почтительно склонился, пытаясь стать серьезным. Ольга утвердительно кивнула. Нетерпеливая радость лезла из всех углов костлявой фигуры, и было бы грешно не дать ему высказаться.

– Вчера прибыл гонец от воеводы Претича. Войско, посланное в помощь грекам в борьбе с сарацинами, возвращается в Киев с победой и несметной добычей. Необходимо организовать достойную встречу дружинникам. Да и праздник горожанам не помешает.

Ольга окинула взглядом присутствующих, оценивая их реакцию на сообщение Годоты. По договору, заключенному еще с императором Константином, русская дружина под командованием воеводы Претича участвовала в походе на Крит.

– Позвольте мне сказать, – поднялся с места Велига, поспешно промакнув платком потную шею, сливающуюся с бритой головой.

– Конечно. Всегда рады выслушать мнение распорядителя княжеской казны. – Ольга невольно улыбнулась, наблюдая перед собой две противоположности. Низенький Велига то-

ропливо спрятал в складках одежды, прикрывавших объемный живот, промокший от пота платок. Он сосредоточенно посмотрел вверх, отклоняясь всем телом, чтобы разглядеть лицо Годоты.

– Праздник – это хорошо. Достоинство встретить победителей – еще лучше. Уважаемый Годота заботлив и предупредителен. Но хотел бы я услышать ответ на один маленький вопрос: сколько денег для этого потребуется и где их взять?

Годота громко фыркнул, изображая усмешку:

– Вам лучше знать, уважаемый казначей. Или вы снова расскажете нам страшную сказку о том, что денег нет?

– Да. – Голос Велиги звучал неуместно важно. – Казна истощилась в последнее время. Много средств тратится на строительство княжеской загородной резиденции. Добыча камня для ее сооружения обходится очень дорого. Ранее, под влиянием царьградских зодчих, было категорически отвергнуто предложение строить хоромы более дешевым способом из дерева.

– Мы уже обсуждали это, – княгиня резко прервала советника. – Камень служит намного дольше. Весь Царьград выстроен из камня. Не будем возвращаться к решенным вопросам. Говори по существу.

– Это и так по существу. – Велига обиженно шмыгнул носом. – Я только пытаюсь обосновать недостаточность средств. Кроме того, новгородский тиун Полтвец не досылает положенной дани. Он говорит, что племя воль отказыва-

ется ее платить.

– Это смешно! – Годота повысил голос. – Претич едет с добычей, а мы вместо пира на весь Киев встретим его посиделками в кухне у Лукерьи.

– Погодите! – княгиня резко прервала спорщиков, гневно глянув на воеводу: – Свенельд, в чем дело? Порядок на землях, подконтрольных Киеву, – твоя ответственность!

– У них недавно сменился вождь, – Свенельд говорил спокойно и размеренно, будто это его не касалось. – Пришедший к власти князь Вакья считает, что ничем не обязан Новгороду. Новгородцы помогали води в войне с емью при другом вожде. Вакья уверен в своих силах, и ему защита новгородцев не нужна, а значит, и дань он платить не намерен. Но главное не это, а то, что Полтвец не хочет поставить на место зарвавшегося князька.

Ольга лично отправила в Новгород тиуна, придавая этому городу особое значение. Намек Свенельда на его беспомощность болезненно царапнул самолюбие княгини.

– Болтать все горазды. Нужно дела делать! – Слова Ольги унеслись в зал, увязнув в возникшей тишине.

– Только прикажите. – Воевода кровожадно улыбнулся: – Я сумею поставить на место нерадивого тиуна.

В глазах Свенельда горела неистребимая ненависть к Новгороду, впитанная с молоком матери. Все в роду Свенельда, берущего начало от одного из первых правителей Киева, Аскольда, не любили Новгород. Северный город отправил к

ним Олега, который уничтожил его предка, приведя к власти потомков Рюрика.

– Я ждала, что ты захочешь наказать воеводу, а не моего доверенного человека. – Ольга поднялась с места, сделав шаг по направлению к совету.

– Воевода? – Свенельд картинно развел руками: – Что воевода? Они же дети, ожидающие со страхом очередной порки. Только где он, тиун Полтвец? Рука Киева. Глаза княгини. Кнут и пряник. Если дети проказничают, всегда виновен воспитатель. Так, воеводы?

Одобрительный гул распалил Свенельда, и он продолжил с еще большей яростью:

– Я поставлен следить за порядком в княжестве. Карать виновных и защищать слабых. С воеводой пусть разбирается Полтвец, а я его заставлю это сделать.

Злость на отсутствие подходящего ответа растянула губы княгини в тонкую ниточку фальшивой улыбки.

– Не надо из пустяка раздувать пожар, – сочный бас Асмуда прохладой спокойствия вклинился в напряженную атмосферу. – Я могу снарядить малую дружину для посещения Новгорода.

Ольга с благодарностью посмотрела на воеводу. Заметив ее взгляд, Асмуд встал, почтительно склонив голову:

– Если княгиня, конечно, позволит.

Свенельд вспыхнул, шумно опустившись на лавку, принимая непринужденную позу, демонстрируя напускное равно-

душие.

– Действуй, дружище, действуй. А то я уже забыл, зачем ты здесь нужен.

– Хорошо, я подумаю и вынесу решение, – Ольга перебила Асмуда, готового ответить оппоненту. Требовалась пауза, чтобы найти приемлемый вариант выхода из двоякой ситуации.

– Разрешите, я внесу свое скромное предложение? – Мягкий голос Иегуды заполнил сладостью неожиданно возникшую звуковую пустоту. – Я думаю, торговая община города может оказать посильное содействие в организации праздника, если достопочтенная княгиня соизволит принять эту помощь. Возвращение дружины – радость для всех горожан, а радоваться надо с размахом.

– Своевременное предложение, – излишне торопливо поддержал купца Велига.

Ольга изобразила на лице безграничное внимание, ожидая продолжения. Глава купеческой общины ничего не предлагал просто так. Иегуда молчал, и Ольге пришлось спрашивать самой:

– Что хотят многоуважаемые купцы взамен? Ведь не хочешь же ты меня уверить в бескорыстной щедрости гильдии.

– О, я бы хотел попросить о столь малой услуге, что это нисколько не обременит княжескую казну. – Иегуда погладил кудряшки бороды, прятавшей складки жира на шее, делая паузу для привлечения большего внимания присутству-

ющих. – Сегодня утром в Киев прибыло посольство Кордовского халифата, направляющееся в Итиль. Первая моя просьба – принять этих послов.

– А что, за одну услугу просьб будет много? – Княгиня, зная неумный аппетит купца, постаралась сразу обозначить границы.

– Нет-нет, госпожа, – Иегуда суетливо задержался. – Вторая даже не просьба, а так, сообщение. Видите ли, послов обокрали, едва они только ступили внутрь города. Это роняет тень на гостеприимство, которым славятся киевляне. Я смиренно прошу разобраться в данном преступлении и показать, что справедливость существует.

Ольга повернула голову в сторону Свенельда.

– Княгиня, виновный пойман и будет наказан. – Свенельд с нескрываемым удовлетворением от чувства исполненного долга посмотрел в глаза Ольги. – Суд состоится сегодня, сразу же после совета. Приглашаю достопочтенных купцов принять участие.

– Купечество удовлетворено таким ответом? – княгиня перевела взгляд на Иегуду.

– Конечно, я передам послам приглашение. – Иегуда одобрительно кивал головой, выражая каждым поклоном признательность и почтение одновременно.

«Хитер, бестия», – подумала княгиня и произнесла вслух:

– О дне приема посольства я сообщу дополнительно.

– Я не слишком много пропустил? – Раскатистый, с нот-

ками необузданной удали голос Святослава привлек внимание присутствующих к входящему в зал князю.

Ольга дождалась, когда Святослав сядет на отведенное ему место, после чего произнесла с упреком:

– Мы уже заканчиваем. А пропустил ты новость о том, что дружина Претича возвращается в Киев.

– Я счастлив слышать такое. Претич мой друг, и будет приятно обнять старого вояку. – Радость осветила лицо Святослава по-детски открытой улыбкой.

«Как он прост и понятен, – подумала княгиня. – Черта характера, недопустимая для князя».

– Среди этих воинов мог бы находиться и я. – Святослав посмотрел на мать взглядом, полным сожаления.

Ольга вспомнила скандал, учиненный сыном по поводу участия в войне на Крите. Она противилась глупому желанию и настояла на присутствии Святослава в Киеве, сделав упор на своей безопасности.

Хотя в этом было больше правды, чем лукавства. Ольга не очень доверяла окружению. Воеводы и дружинники уважали княгиню после похода на древлян, но ее увлечение христианством вызывало раздражение у большей части воинов, поклонявшихся другим богам.

– Если на сегодня никаких вопросов нет, позвольте считать совет законченным. – Ольга встала и, не дожидаясь никого, направилась к выходу. Сделав несколько шагов, княгиня обернулась к сыну: – Я хочу с тобой поговорить у себя в

покоях.

Святослав недовольно поморщился, предчувствуя серьезную беседу.

– Нет-нет. Отговорки не принимаются, – Ольга поспешила предупредить очередное нелепое возражение сына.

* * *

Федор произнес с напускной скромностью, показывая рукой в сторону:

– Вы просили, ваше преосвященство, найти для вас Адальберта.

Феофил заметил в указанном направлении толпу саксонских монахов, неспешно бредущих по улице вслед за своим вожаком. Растянувшаяся процессия напомнила Феофилу выводок уток, следующих за мамкой.

– Спасибо, – епископ похлопал по плечу крещеного варяга, но, заметив в его лице недоумение, вызванное подобной фамильярностью, поспешно исправился и осенил Федора размашистым крестом: – Храни тебя Господь.

Догнать степенно передвигающуюся процессию для Феофила не составило труда. Торопливые неловкие движения грузного священника, маневрирующего между ямами и буграми, покрывавшими улицу, могли привлечь прохожих, привыкших видеть служителей Христова культа неспешными и обстоятельными. Феофил несколько раз украдкой взглянул

на попадавшихся по пути горожан, пытаюсь уловить в выражениях лиц реакцию на свое торопливое передвижение, но, не заметив ничего необычного, успокоился.

Когда архиепископ поравнялся с монашеской процессией, только сбивчивое дыхание выдавало волнение и поспешность, нежелательные для глаз Адальберта.

– Рад видеть вас, святой отец. – Казавшиеся Феофилу безмерно искренними слова вызвали кривую улыбку на лице Адальберта, плохо похожую на выражение радости.

– Приятно встретить в стране варваров единове́рца, – поспешил добавить византийский посланник, пытаюсь сыграть на том, что их объединяло.

Адальберт остановился в раздумьях. Феофил с удовлетворением заметил, что его незатейливая хитрость удалась.

– Да и то правда, – согласился Адальберт. – Варварская страна, варварская. – Монах развел руками, словно расписываясь в своей беспомощности: – Пустые все мои старания. Слишком черны их души.

Феофил сочувственно покачал головой:

– Конечно. Их разум очень далек от понимания христовой благодати.

Адальберт смутился от проявленной к нему жалости и, опустив глаза, продолжил движение, слегка ускорившись, в надежде избавиться от назойливого попутчика.

Феофил, пожалев о неправильно продемонстрированной доброжелательности, постарался не отставать.

– Я сегодня получил письмо из Константинополя, – священник попытался перевести беседу в доверительное русло, надеясь заинтересовать монаха важной информацией. Адальберт слегка повернул лицо в его направлении, невольно замедляя шаг.

– Меня отзывают в столицу, – продолжил Феофил. – И я очень рассчитываю на вас во время моего отсутствия.

– Знаете, все, что вы говорите, звучит странно и нелепо. Мне довелось служить при дворе короля Оттона, и я хорошо знаком с маленькими придворными хитrostями. – Адальберт смотрел серьезно, ничуть не смущаясь, умным и открытым взглядом. – Мне интересны словесные игры, но я боюсь потерять настрой на беседу с княгиней Ольгой.

– Что вас навело на мысль про какие-то игры, – Феофил возмутился, досадуя на недостаток искренности в своих словах.

– Мы никогда не были в доверительных отношениях, и ваш расчет на мою помощь – это... даже не знаю, как назвать. Неужели у могущественной империи недостает священников, чтобы заменить вас?

– По правде говоря, мой отъезд не санкционирован высшим руководством. В империи грядут темные дни, и есть определенные силы, которые хотели бы видеть меня в столице. – Феофил понимал: эти слова находятся на грани дозволенного к разглашению, и чем тоньше грань, тем больше шансов показать, что она перейдена.

– Я все-таки не очень вас понимаю, ваше преосвященство. – Адальберт остановился, к удовольствию Феофила, но перешел на подчеркнута официальный тон, пытаясь удержать дистанцию.

– Как вам, надеюсь, известно, в империи после смерти Константина власть находится у его сына Романа. – Феофил выдержал паузу, чтобы подчеркнуть важность последующих слов. – Но фактически страной управляет Иосиф Вринга. Не буду вдаваться в подробности наших дворцовых интриг, но власть этого человека грозит империи внутренними раздорами. Существуют опасения за жизнь императора Романа и его жены Феофании вместе с малолетними детьми.

Адальберт молчал, нервно теребя края просторных рукавов, но, перехватив взгляд Феофила, заметившего волнение архиепископа, поспешно спрятал кисти в складках одежды.

– Я отношусь к числу противников перемен в династическом престолонаследии империи. Это приведет к внутренним раздорам и ослаблению. Конечно, вы, наверно, думаете о получаемых преимуществах Оттоном. Итальянские разногласия никуда не исчезли. – Последние слова Феофил произнес с легкой ухмылкой. – Только, боюсь, в отдаленном будущем ослабление империи сделает более сильными наших общих противников. Угры, успокоившиеся после блестящей победы Оттона при Ауксбурге, напуганы и повернули своих коней в сторону Болгарии и Византии. Внутренние раздоры не позволят империи сдерживать дикарей, тем более что па-

па Иоанн прилагает все усилия, дабы направить их орды во главе с Такшоном в сторону Оттона.

– Я не очень верю в подобные измышления. Иоанн недавно короновал сына Оттона, выразив полнейшую благосклонность к его деяниям.

– У меня другие сведения: Иоанн сильно обижен на короля...

– Вы забыли, что с легкой руки папы король именуется императором Восточной Франкской империи, – перебил Адальберт излишне торжественным голосом.

Феофил поморщился и пожал плечами, изображая досаду:

– Ну, вы знаете отношение к этому событию в Константинополе. Оно никогда не менялось. Император может быть только один, и уж никак не в Аахене. Поэтому, простите, буду говорить в соответствии с обязательствами подданного империи.

Адальберт недовольно скривился, но кивнул головой в знак понимания.

Феофил продолжил:

– Оттон вынуждает папу поступать по своей прихоти и фактически лишил его власти под видом защиты от врагов. Дошедшие из столицы слухи говорят о том, что тайный посол Иоанна епископ Закхея вступил в переговоры с Врингой о возобновлении военных действий в Италии. Насколько я знаю, в дальнейшем он последует к Такшоною якобы с целью

обращения угров в лоно Христовой церкви, на самом же деле должен уговорить угорского князя развязать новую войну с Германским королевством.

– Этим сведениям можно верить?

– Безусловно. Кроме того, я обещаю вам, что, покинув пределы Киева, смогу уведомить Оттона о тайной миссии Закхея. Не сомневайтесь, информацию доносить до нужных людей в кратчайший срок в империи умеют. Вашему королю есть чему поучиться.

– И? – Адальберт вопросительно посмотрел на Феофила.

– Что «и»?

– Я жду главного. Чем я должен расплатиться за это?

Феофил картинно скривился, выдерживая паузу.

– Собственно говоря, ничем таким, что запятнает ваше доброе имя.

Фраза, призванная успокоить епископа, произвела, судя по настороженному, как у бездомного пса, взгляду, противоположное впечатление.

– Постарайтесь пробыть здесь по возможности дольше. Нельзя оставлять этот народ без верного Господу пастыря. И будьте поактивнее. Поэмоциональнее, что ли. Киевляне, как дети, не внимают голосу рассудка. Они охотнее отзываются на страсть. Добавьте страсти в ваши проповеди. Пусть слова станут громом, ошеломляющим, заставляющим трепетать. Страх – вот то чувство, которое движет язычниками. Сделайте так, чтобы ужас вселился в сердце каждого.

Адальберт молчал. Его лицо стало каменным, словно ужас, на котором заострял внимание Феофил, проник ему в сердце. Пауза в беседе затягивалась.

«Если монах поддастся порыву и проявит агрессию, неизбежно отвернет киевлян от себя. У русов в почтении выдержка и спокойствие. Дай бог, чтобы совет достиг цели, хотя надежда слишком шаткая», – подумал Феофил, а вслух продолжил, придумав запасной вариант:

– Я заметил, что у вас нет поддержки среди местных.

– Меня поддерживает великая княгиня, и этого достаточно.

Феофил удовлетворенно отметил самоуверенность монаха. Эта черта характера погубила многих.

– Как вам известно, Ольга лично просила короля прислать проповедника.

– Княжеские прихоти изменчивы, как и королевские... Ну и как императорские, конечно же, – добавил епископ, уловив возмущение в глазах Адальберта. – Давайте рассуждать об интересах, а не прихотях.

Адальберт не смог скрыть гримасу, характерную для учителя, недовольного ответом ученика.

– Конечно, вы сами во всем прекрасно разбираетесь, но позвольте поделиться кое-какой информацией, накопленной за годы общения, сбора и систематизации...

Недоверие не сходило с лица монаха.

– Да, да, поверьте, империя знает все и обо всем. Я сам

иногда бываю в шоке от этого. Например, я вовсе не уверен, что вы не византийский шпион. Шучу, конечно, – поспешил добавить Феофил, – но каждая шутка может превратиться в правду.

– Уж не планируете ли вы меня завербовать? – Адальберт гордо вскинул голову.

– Неплохая мысль. – Епископ усмехнулся: – Но боюсь, нереализуемая. Я хорошо знаком с вашей биографией, и в ней нет даже намек на то, что из вас можно сделать агента империи. Я уже сказал и повторюсь снова. Мне кажется... Скорее, я уверен, что в данной ситуации мы гораздо более союзники, чем соперники.

В лице Адальберта пропало напряжение.

«Хороший момент для восприятия нужной информации», – подумал Феофил, торопясь сказать, что хотел.

– В Киеве не так все идеально, как кажется. Существует масса скрытых противоречий, в которых вы сможете найти для себя поддержку... Княгиня – это плохой вариант. – Повысив голос, епископ перебил готовое сорваться с губ монаха возражение: – Обратите внимание на Све-нель-да. – Имя, произнесенное по слогам и полупшепотом, должно было звучать, по мнению Феофила, многозначительно.

– Что такого в этом воеводе, привечающем в своем доме языческих колдунов?

– Ну, у каждого человека может быть увлечение. Простим ему эту слабость. Суть в другом. Свенельд – потомок Ас-

кольда!

– Ну, и?.. – не понял Адальберт.

– Аскольд правил Киевом до Олега, Игоря и Ольги. Воевода втайне считает себя более достойным занимать великокняжеский трон. Кроме того, как вы знаете, я живу в доме Ольмы – крещеного купца. Улавливаете мысль?

– Если честно, нет. И мне бы хотелось без загадок. У меня и так голова болит от избытка проблем.

– Хорошо. Кратко: Ольма построил и содержит на свои средства церковь Николая Угодника. Не всем известно, но церковь построена на месте захоронения Аскольда. Улавливаете мысль? – вновь не удержался от загадки Феофил, но, поняв, что монах не намерен участвовать в игре, торопливо продолжил, пытаясь замаять свою неловкость: – Аскольд был крещеным. Совместите ненависть Свенельда к роду Рюрика с крещением его отца, и вы сможете заполучить могущественного союзника, продвигающего ваши интересы при дворе княгини.

Феофил облегченно вздохнул, видя, как изложенная им мысль плодотворно приживается на подготовленной почве.

* * *

Святослав смотрел на мать исподлобья и вызывающе улыбался. Ольга хорошо знала этот взгляд. Он всегда принимал вид колючего ежа, скрывая смущение за дерзостью. Вот и

сейчас, слушая наставления матери, Святослав глубоко упаковал стыд под маску равнодушия.

– Как ты можешь? – У Ольги не получалось сдерживать бешенство. – Опоздать на совет, где ты являешься главным. Тебе двадцать пять лет, и ты князь. Пора править страной, а не развлекаться со своими друзьями.

Гнев Ольги делал ее голос визгливым, похожим на причитания рыночной торговки. Она понимала это, но не могла справиться с эмоциями. Картина будущего Святослава, тщательно выстроенная в голове сразу после его рождения, распалась на части. Опоздание сына, измена Марфы – всего было слишком много. Нервное напряжение достигло точки кипения.

– Матушка, ты успешно справляешься со всеми государственными делами, и мне остается только с удовольствием наблюдать, как благодаря тебе процветают наши земли, – Святослав демонстративно льстил княгине. Ольга еще сопротивлялась, но первый эмоциональный накал спадал, уступая место доводам.

– Если ты считаешь, что это правильно, когда государством управляет мать при взрослом сыне, то заблуждаешься. У нас множество врагов, как внутри княжества, так и за его пределами. Слабая женщина не может справиться с непомерным грузом ответственности.

– Матушка, не называй себя слабой женщиной. Семнадцать лет ты успешно командуешь. Русь достигла небывало-

го процветания. Люди счастливы видеть тебя на княжеском троне. – Искренность светилась в лице Святослава. – Как бы я ни старался, ты гораздо лучше управляешься с делами. Я не пойму, где мое место? Я не знаю, что бы мог решать без тебя? Если ты думаешь, мне это нравится, то ошибаешься. Посмотри вокруг. Везде ты. Меня нет!

– Я не успеваю все, что хотелось бы. Иногда требуется мужской характер и решимость. Я мечтаю быть просто помощницей тебе, а не мудрой правительницей. – Ольга старалась говорить уверенно, хотя сама сомневалась в том, что способна отказаться от власти. Управление княжеством доставляло ей удовольствие, наполняя жизнь ощущением значимости. Новые доводы всплыли в голове: – Наше государство слишком раздроблено и раздираемо противоречиями. Общины враждуют с князьями, князья разоряют народ. Нет единой, связующей всю страну идеи, которая заставит народ уважать своих правителей, а правителей поставит на место.

– Я точно такой идеей не являюсь, – усмехнулся Святослав.

– Христианская вера. – Ольга говорила эти слова вкрадчиво, наблюдая за реакцией Святослава. – Вера в единого бога, в единого правителя, наместника этого бога на земле, сплотила бы народ и укрепила власть.

– Мама, ты снова об этом Христе. Когда ты поймешь, что меня это не интересует. – Святослав начал ходить по комнате, вынуждая Ольгу крутить головой.

– Никогда! Твоя задача как князя – сплотить людей. Что может быть для этого лучше христианства?

– Христиане сильны единством, это правда. Единством стада овец, где каждый слаб поодиночке. Любой из моих воинов не боится умереть, для него счастье попасть в цветущую, наполненную удовольствиями вырию после смерти. Перун покровительствует дружине и ведет ее к победам. Христианин боится смерти. Боится попасть в свой ад. Христианин вечно виноватый, погрязший в грехе, как ни старается быть праведником. Ему один путь после смерти – вечные муки. – Святослав скривился, словно лично их испытывал.

– Все не так. – Ольга не раз слышала этот довод, но никогда не могла понять страха людей перед адом. – Праведная жизнь гарантирует вечное блаженство после смерти. Живи, соблюдая законы божьи, и обеспечишь себе достойное загробное существование.

– Как можно быть праведником воину? Все, что ему любо в этой жизни, все, для чего он живет, – это грех. Любить женщин – грех. Выпить хмельных напитков и пожрать от пуза – грех. Убить противника – грех. Забрать добычу у поверженного врага – грех. Даже просто хотеть всего этого грех. Так где же будет воин после смерти? Гореть вечным пламенем в христианском аду. Вот почему христиане боятся смерти и бегут с поля боя при первой возможности. Если я окрещу свою дружину, я не смогу воевать.

– Но ведь точно так же ничего не боятся и обычные люди,

не воины. Они погрязли в пороках и грехах. Христианство несет покорность и смирение. Кроме ада есть еще и рай.

– Не смей меня со своим христианским раем. Какое может быть в раю блаженство, если там нельзя драться, пить, жрать и с девками веселиться. Грешить, по-вашему. Это пустой спор, матушка, я никогда не смогу окрестить свою дружину и тем более окреститься сам, но я обещаю тебе впредь не опаздывать на советы без уважительной причины. – Святослав хитро улыбнулся и, несмотря на молчаливый протест матери, вышел из комнаты.

Ольга подумала вернуть сына, чтобы поговорить о Марфе. Ей не давала покоя ее измена, но сомнения о том, должен ли знать правду Святослав, останавливали.

«Наверно, пока так лучше», – решила Ольга, провожая взглядом уходящего сына.

* * *

Ольга смотрела на обстановку в своей комнате, словно не узнавая знакомых предметов. Взгляд скользил вдоль стен, ни на чем не задерживаясь, существуя отдельно от разума, поглощенного мыслями о Святославе и Марфе. На столике у окна стоял тазик с водой и валялось скомканное полотенце, оставшиеся после утреннего туалета. Княгиня сжала в кулаке влажную ткань, приходя в себя.

– Это что такое? – Гневные нотки потревожили тишину,

обрушившись на Будану.

– Сейчас все уберу. Простите, матушка. – Служанка кинулась к Ольге, подхватывая полотенце, брошенное на пол.

Ольга опустила в кресло, растирая рукой лоб, где начали созревать первые крупницы боли.

– Вид у вас нездоровый, – заметила Будана, с излишней пристальностью рассматривая лицо хозяйки. – Может, желаете чего?

Княгиня промолчала, вслушиваясь не столько в слова, сколько в бархатистый тембр голоса служанки, действующий успокаивающе.

– Опять вас эти бояре с воеводами нервируют, – ворчала Будана. – В могилу свести свою госпожу задумали, злыдни. Не понимают, что одинокой женщине внимание и забота нужны. Так ведь нет, все норовят проблем целую гору на женские плечи навалить. А мужика-то нету. Пожаловаться некому. Все сама, да сама.

Ольге стало весело от этих причитаний и вспомнился мужчина, с которым она могла быть откровенной.

– Пригласи Леонтия. – Княгиня внимательно посмотрела на служанку, моментально прекратившую болтовню. – Надеюсь, он еще не успел покинуть дворец.

– Угу, – буркнула девушка, выходя из комнаты с полотенцем в руке и тазиком под мышкой.

Ольга прошла от стены к стене, пытаясь хоть как-то привести мысли в порядок. Она остановилась возле зеркала, раз-

глядывая свое отражение: «Да, Будана права. Слишком много в лице болезненной бледности. Глаза потухшие. Может, и на самом деле завести сердечного дружка». Грешные мысли зашевелились, неся искушение. Ольга смутилась, отгоняя от себя напасть. Рука сама собой коснулась лба в привычном крестном знамении. С иконы на нее смотрел Христос проницательным, но равнодушным взглядом.

Леонтий появился в дверях, мягко ступая, опутив глаза в пол. Он всем своим видом демонстрировал смирение и покорность, как и подобало истинному христианину.

– Что-нибудь еще нужно, матушка? – Будана понимающе посмотрела на княгиню, выглядывая из-за плеча священника.

– Нет, спасибо, ты свободна. – Ольга величаво махнула рукой, выпроваживая служанку. Присутствие священника всегда придавало ей ощущение собственной значительности.

– Присядь, – Ольга обратилась к Леонтию, давая понять, что разговор может быть длинным. Из потертой рясы священника на груди вытянулась нить, свернувшись петелькой, напоминая червячка, она вызывала умиление легкой неухоженностью.

– Что печалит мою госпожу? – Леонтий откинулся в предложенном ему кресле, готовясь к продолжительному разговору.

– Я прошу тебя, чтобы эта беседа осталась между нами. – Княгиня смущенно улыбнулась, понимая, что подобное на-

поминание лишнее.

– Конечно, госпожа. Мне особо и разговаривать не с кем. – Леонтий усмехнулся, разочарованно вздохнув.

– Я понимаю, – согласилась Ольга. – Не принимают бояре чужака. Не считают своим.

– Я бы сказал, ревнуют, матушка. За вашу благосклонность идет борьба нешуточная. Вы только не замечаете.

– Да полно тебе, – картинно возмутилась княгиня. – Я о другом хочу поговорить. Правда, слов нужных не подберу.

– А вы без подбора. Как на язык ляжет. – Священник перерзал в кресле, приготовившись слушать.

– Сегодня мне стало известно, что Марфа изменяет Святославу. – Ольга поморщилась. Леонтий молчал, ожидая продолжения. Княгиня вновь замялась.

– Кто тот нечестивец, что связал себя грехом прелюбодеяния с замужней женщиной? – Леонтий прервал паузу, казавшуюся неестественно затянутой, выручая собеседницу наводящим вопросом.

– Наверное, это уже не важно, так как Марфа поклялась мне, что рассталась с ним. – В задумчивости Ольги чувствовалось волнение, но не за оскорбление, нанесенное сыну.

– Я давно уже перестал удивляться вольным взаимоотношениям между мужчинами и женщинами Руси. Нет-нет, не поймите это как оскорбление, – поспешил оправдаться Леонтий. – Везде свои обычаи. Мне удивительно другое. Что кто-то осмелился унижить князя, вступив в связь с его же-

ной. Огромное честолюбие заставляет Святослава всегда и во всем быть победителем. А измена жены – поражение. Причем в самом существенном для мужчины.

– Если тебе интересно, соперник – волхв Везнич. – Ольге не хотелось называть имени, но она сделала это, стараясь быть предельно откровенной.

Леонтий улыбнулся с некой удовлетворенностью.

– Я всегда говорил, что основные носители скверны являются и основными носителями порока. А что, Святослав в курсе этой щекотливой ситуации?

Княгиня ждала такого вопроса, но не знала, как на него ответить.

– Я не заметила в нем перемен. Во всяком случае, он так же беззаботен и безответственен. Конечно, если ему это не безразлично.

Леонтий непроизвольно прикусил губу, пытаясь выстроить логическую цепочку в поведении Святослава.

– Нет ли в этом промысла Божия? Не дает ли нам Всевышний шанс обратить князя к христианству. Любое горе – это прекрасная возможность задуматься о Боге, но надо действовать наверняка. Так знает Святослав о случившемся или нет? – прервал свои размышления священник.

– Думаю, что Святослав не знает, но не уверена. – Княгиня пожалала плечами, все еще не понимая, как измена Марфы может подтолкнуть Святослава к принятию христианства.

– Хорошо. С князем не нужно разговаривать на эту тему.

Подобная новость его однозначно взбесит. Осторожность нам не повредит. И неплохо бы заручиться поддержкой Марфы.

– Я боюсь другого. – Княгиня смутилась, понимая, что ее мысли далеки от возвышенных, но бремя заботы о государстве вынуждало думать о мирском. – Может, все не настолько страшно и опасность уже позади. Любое неосторожное слово способно разрушить мир, который я так тщательно строила. Союз Святослава и дочери Асмуда не просто брак. Он гарантирует стабильность в государстве. Это противовес Свенельду. Воевода спит и видит себя на киевском престоле. Если брак сына расстроится, Свенельд получит преимущество.

– Не будем гадать, матушка. Пришлите Марфу ко мне. Я поговорю с ней, и, думаю, многое станет ясно. Я уверен, со мной девушка проявит откровенность. Да и раскаяние в грехах всегда кратчайший путь к Богу. Если Всевышнему будет угодно, Марфа сможет сделать шаг к христианству.

– Да, ты прав. Марфа чувствует себя виноватой. Возможно, твой разговор с ней получится. Ну а со Святославом как-нибудь разберемся.

Княгиня благодарно посмотрела на священника, радуясь приходящему спокойствию.

Торопиться не хотелось. Утро замерло возле чудесной границы, когда последняя прохлада смешивается с наступающей жарой, создавая неповторимый атмосферный контраст. Леонтий катнул носком ботинка небольшой камешек, весело проскакавший пару шагов, оставляя за собой кудрявый шлейф из разбуженных пылинок.

Священник мысленно поблагодарил Господа за чудесное утро и за все то, что он даровал ему в этой жизни.

Жара стремительно захватывала власть, подгоняемая встающим солнцем. Путь до церкви не занял много времени. Деревянный купол отливал желтым цветом строганых досок, начавших местами темнеть под воздействием солнца и дождя. Леонтий перекрестился, ощущая прилив уверенности. Небольшое бревенчатое сооружение, с трудом называемое церковью, все же вызывало в душе священника чувство радости. Счастье наполняло его в этом месте, где он являлся единственным и полноправным хозяином. Даже Ольга, распорядившаяся построить храм, была лишь рабой господней в святых стенах, всецело покоряясь византийскому священнику. Количество прихожан медленно, но неуклонно росло, привлекая все большее внимание людей. Миролюбивый и богобоязненный батюшка не вызывал у киевлян опасений, любви или других эмоций, разве что незначительное любо-

пытство, как всякая чужеземная диковинка.

– Здравствуйте, батюшка, – звонкий женский голос вывел Леонтия из состояния задумчивости.

Молодая женщина, из-за спины которой стеснительно выглянула юная девушка, озорно сверкнув огромными глазами, почтительно поздоровалась со священником. Леонтию нравился простой, по-детски наивный народ в Киеве, резко контрастирующий с напыщенными жителями Константинополя, представлявшими себя центром вселенной. Скромная деревянная церковь, украшенная несколькими, привезенными из Константинополя иконами, казалась милей и естественней грандиозных храмов, одетых в золото и внутри, и снаружи. Это было по-настоящему близкое к Богу место.

Священник приветливо кивнул прихожанкам, демонстрируя открытую, счастливую улыбку. Корзинки с едой, находящиеся в руках женщин, вызвали у Леонтия приступ смущения. Из-под белого платочка виднелись хлеб и молоко. В другой корзинке лежали яйца и запеченная тушка курицы.

– Примите, батюшка, – женщины учтиво заглядывали в глаза Леонтию, – и помолитесь за благополучие наших семей.

– Благослови вас Господь. – Леонтий перекрестил принесших дары, вкладывая в жест показное старание. – Я буду молиться за вас.

Молодуха игриво отвела взгляд от священника, пряча нескромный интерес к нему как к мужчине. Леонтий сму-

тился. Он был совсем не старым и довольно привлекательным – с правильными чертами лица, умным взглядом и ладной от природы фигурой. Ему часто выказывали симпатию прихожанки. Он даже подозревал, что некоторые из них уверовали во Христа благодаря влюбленности в него. Ему как священнику казалось это небольшим грехом за приобщение язычников к христианству, но все же смущало как мужчину.

Это смущение явно проступило на ангельски умиротворенном лице Леонтия, и ему стоило немалых трудов, чтобы скрыть невольные мирские чувства. Старшая из женщин заметила неловкость священника и торопливо потащила прочь молодую искусительницу, цепко ухватив ее пальцами за рукав.

Леонтий с облегчением скрылся за массивными дверями, украшенными искусной резьбой, в которой смешались языческие орнаменты с христианскими символами. Полумрак, царивший в церкви, рассеиваемый слабыми огнями восковых свечей и робкими лучами солнца, пробивавшимися сквозь небольшие окна, расположенные вверху, успокоили Леонтия.

Кирилл – мальчик, выполнявший роль служки, – кивнул в знак приветствия вошедшему священнику и продолжил со сосредоточенным усердием мести земляной пол.

– Прими дары добрых людей, – Леонтий протянул корзинки мальчику. – Поешь, если голоден.

Кирилл с нескрываемым удовольствием принял подноше-

ния из рук священника, непроизвольно облизывая губы при виде аппетитной еды. Чувства голода он не испытывал, но румяные корочки на хлебе и курице соблазнительно приглашали их съесть.

Леонтий не обратил внимания на мальчика. Ему была безразлична судьба подношений. Княгиня выделяла достаточное содержание, позволявшее не чувствовать себя стесненным.

Леонтию хотелось помолиться, чтобы милое женское личико, с интересом глядевшее на него, исчезло из сознания. Он поспешил к иконам и опустился на колени, страстно шепча молитву. Чем яростней он шептал и старательней отбивал поклоны, тем легче ему становилось. Соблазнительный образ таял в глубине сознания.

Марфа возникла внезапно.

Леонтий заметил ее, лишь поднявшись, утомленный и умиротворенный молитвой. Девушка смиренно ожидала, когда он освободится.

– Добрый день, княжна, – Леонтий учтиво склонил голову. Воспитанный при Константинопольском дворе, священник с молоком матери впитал дворцовую манеру общения, так нравившуюся Ольге.

Марфа смутилась в ответ на церемониальную учтивость священника.

– Добрый день, отец Леонтий...

– Я знаю, для чего ты здесь. – Леонтий, поняв свою ошибку,

ку, сменил тон на более доверительный: – Я понимаю, что тебя гнетет твой поступок и ты в смятении. Поделись тревогами, и мы вместе, с божьей помощью, найдем путь к душевному умиротворению.

Речь священника была спокойной, наполненной нескрываемым сочувствием. В глазах девушки сверкнули искорки храбрости, проступающие сквозь робость и отчаяние.

– Да, батюшка, я расскажу. – Марфа запнулась, пряча вдруг проснувшуюся торопливость, но через мгновение уже говорила без остановки, сбивчиво и страстно: – Я виновата, очень сильно виновата. Перед своим мужем, перед своим сыном, перед матушкой-княгиней.

На глазах у Марфы наворачивались слезы. Леонтий положил руку ей на плечо, пытаясь унять охватившую девушку лихорадку.

Марфа вздрогнула от неожиданного прикосновения, но это позволило ей не разрыдаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.